Кавказское сафари Иосифа Сталина[воспоминания родственника

Мусто Джихашвили

SHOUT
SHARE
IT

- Мусто Джихашвили
  - Биография моей семьи
  - № 3672
  - Гибель семьи
  - Пистолет или яд?
  - Проклятый архив
  - Молот против ведьм
  - Конкуренты
  - Кавказское сафари Иосифа Сталина
  - Когда-то в Батуми
  - Конец золотой эпохи
  - Возвращение

Мусто Джихашвили
Кавказское сафари Сталина

Биография моей семьи

1919–1920 г.г. Нестор Лакоба провел в Батуми. В автобиографии он писал: «Состоя в назначенной Кавбюро тройке по руководству большевистской организацией г. Батума, я организовал убийство генерала Ляхова, взрыв Кобулетского моста, взрыв парохода «Возрождение», груженного боевыми припасами и оружием, предназначенными в помощь ген. Врангелю…». В этот период он и познакомился с нашей семьей.

Семья Джих-оглы (до завоевания части западной Грузии Турцией мои предки носили фамилию Джихашвили, однако турки принудительно переделывали фамилии жителей завоеванных территорий на свой лад) жила в Большом доме на углу Асатиановской и Шереметьевской улиц, на самом же деле моим предкам принадлежал целый ряд строений в этом районе. Часть помещений сдавалась торговцам, тем не менее и наши занимались кое-какой предпринимательской деятельностью — держали несколько хлебопекарен. При англичанах они даже увеличили выпечку хлеба, так как получили контракт на поставку хлебобулочных изделий британским военным, расквартированным в Батуми.

Мой дед Мемед Джих-оглы умер в 1913 году, за несколько месяцев до рождения младшего сына и моего отца, Мустафы. Естественно, что после его смерти фактическим главой семьи стал старший сын Хакки.

Хакки был увлечен революционными идеями и однажды привел в дом Нестора Лакобу. Так семья Джих-оглы попала в весьма двусмысленное положение. С одной стороны наши экономически зависели от англичан, с другой стороны, предоставляли стол и кров террористу (во всяком случае по нынешним представлениям Нестор ничем не отличался от террориста) и главному противнику английской оккупационной политики абхазцу Лакобе.

Здесь же, в нашем доме на Асатиановской, произошла первая встреча Нестора с его будущей женой, Сарией (старшей сестрой моего отца). Надо сказать, что Лакоба нашел приют в семье Джих-оглы еще и потому, что мачеха моего деда, Захиде Джикирба, как и Нестор, родилась в Гудаутах и доводилась знаменитому абхазскому большевику дальней родственницей. Эта женщина была заинтересована в браке Нестора и Сарие. Говорили, что именно она сыграла роль свахи. Несмотря на вмешательство «третьей силы», можно смело сказать, что Сарие сделала свой выбор вполне добровольно, а посредничество Захиде-ханум все

считали лишь толчком к решительным действиям, ведь Сарие, покидая родной дом была не просто юной и неопытной, но и скованной, как сказал поэт, «крепостной твердыней мусульманства». Поэтому поступок моей тети многие впоследствии оценивали как героический.

Примерно в то же самое время папа с группой сверстников был отправлен на учебу в Турцию, согласно тогдашнему обычаю, распространенному во многих семьях грузин-мусульман. Учился он в Анкаре.

По возвращении из Турецкой республики отец отправился продолжать учебу в Сухуми — к своей сестре и зятю. Здесь он и жил вплоть до краха семьи, за вычетом студенческих лет в Москве и Новочеркасске.

У отца моего было четыре брата и две сестры. После загадочной смерти Нестора в 1936 году все они, как родственники «врага народа» и «троцкиста» Лакобы, были арестованы, пятеро расстреляны или замучены в тюрьмах НКВД. Остаться в живых удалось только отцу и его младшей сестре, Назие. Расстреляны были и родные дядья Сарие — Али и Осман Джих-оглы. В кровавой мясорубке погибли юный сын Нестора и Сарие — Рауф, сыновья родных братьев Лакобы, мать абхазского вождя Шахусна. Были репрессированы едва ли не все наши родственники и близкие.

Вскоре после смерти Нестора Лакобы НКВД по заданию Лаврентия Берии стало производить в доме бывшего абхазского лидера обыск за обыском с целью найти и изъять богатейший архив Лакобы. Сразу же после первого обыска, в результате которого чекистам ничего существенного не удалось обнаружить, так как моя тетя Сарие, предугадав поведение НКВД, спрятала документы покойного мужа на дно старого водогрейного бака, — сразу же после первой попытки чекистов тетя Сарие и отец перепрятали большую часть архива Лакобы в тайник, устроенный под полом кухни. Небольшую, но не менее ценную часть бумаг Лакобы, состоящую по рассказам отца из фотографий, писем и записок Льва Троцкого, Сарие и отец вынесли во двор и сожгли как самую опасную часть архива, объявив соседям, что уничтожили все документы Нестора.

В 1954 году отец вернулся из мест заключения. Через год ему удалось побывать в бывшем доме зятя и сестры и найти место, где был спрятан архив. Вскоре после этого события отец с помощью секретаря Абхазского обкома партии Михаила Тимуровича Бгажбы, который был не только его школьным другом, но и большим почитателем деятельности Нестора Лакобы, вернул часть лакобовского особняка и поселился в нем со своей новой

семьей.

Воспоминания о своей жизни и трагедии семей Лакоба и Джихашвили отец начал писать в 1986 году, но вскоре тяжело заболел и это сказалось на темпе работы над мемуарами. Закончить воспоминания ему удалось лишь в конце 1990 года, совсем незадолго до смерти.

Мемед Джихашвили (сын Мусто Джихашвили)

Батуми, 2004 г.

«Есть новые предания. Одно Я приведу. Уверен я: оно Имеет отношение прямое К судьбе земли, к моей судьбе, к тебе И к органам НКВД-ГБ». Семен Липкин

№ 3672

Нет, это не порядковый номер заключенного, и отнюдь не номер тюремной камеры, или же, «хаты», как принято говорить в среде блатных… Но хорошо поразмыслив, можно прийти к выводу, что в Советском союзе каждый номер мог иметь двойной, а то и тройной, смысл. Всякий номер мог означать относительную свободу, конкретную тюрьму и…абстрактную могилу…

28 декабря 1936 года не стало председателя Совнаркома Абхазии Нестора Лакоба.

26 декабря он был вызван в Тбилиси. Вечером следующего дня его заманили на ужин: к Лаврентию Берия…

Да, Нестора отравил Берия. И не столь важно, кто именно «приправил» рыбу ядом — сам Лаврентий, его мать или дражайшая супруга. Но я хочу вспом-нить о другом, весьма важном для нашей семьи дне…

Тело председателя Совнаркома забальзамировали и упокоили в склепе, специально сооруженном для этой цели в Ботаническом саду…

После похорон Нестора Лакоба прошло не больше месяца. Как вдруг, по городу поползли слухи: смутные, неясные, словно обрывки фраз…. За нашими спинами шептались соседи, знакомые, коллеги бывшего руководителя республики.

Сарие вызвали в Горсовет. Я попросился ее сопровождать…. Пришлось долго ждать назначенного приема, а ведь еще несколько месяцев назад, и председатель горсовета, и его заместители встречали нас как почетных гостей.

Наконец сестру пригласили в кабинет.

Председатель горсовета Александр Читая и его заместитель Анатолий Вардания когда-то дружили с Нестором. Но как, и почему изменилось их отноше-ние к нам, отчего мэр уткнулся в бумаги, а заместитель смотрит куда-то вдаль, поверх наших голов?!

Но Александр Читая, все-таки, был вынужден взглянуть на Сарие. На жену друга и партийного соратника. Она сидела в его кабинете, — гордая, строгая, бледная; в черном траурном платье. Она ждала обвинительного вердикта. Ибо весь этот поток сплетен должен был вылиться в приговор.

Читая, с огромным трудом поднял на нее глаза… и начал: «Как установлено, Ваш муж, Нестор Лакоба, является «врагом народа». Поэтому правительство Абхазии постановило перенести его тело из Ботанического сада на Михайловское кладбище: сегодня, в два часа ночи. Присутствовать при перезахоронении со

стороны родных и близких могут только жена и мать Нестора Лакоба…».

Он закончил и опустил глаза. Но что означало: «Присутствовать при перезахоронении могут только…». О чем говорило эго ограничение?

Да о том, что мы были уже не членами семьи признанного абхазского руководителя, а едва ли не преступниками, политическими отщепенцами, которым можно отказать и в общепринятых проводах покойника.

Сарие не стала взывать к их совести, хотя могла бросить бывшим друзьям мужа не один упрек. Лишь покидая кабинет председателя, она обронит слова, ставшие крылатыми: «Значит Нестор «враг народа», а вы «друзья народа?!».

В ту же ночь труп Лакоба был перевезен на Махайловское кладбище. Здесь его могилу обозначили под номером 3672. А склеп в Ботаническом саду разрушили, землю под ним перекопали и засеяли травой…

Спустя девятнадцать лет я и мой старинный друг Джемал Колбая отправимся на Михайловское кладбище и раскопаем могилу Нестора. Увы, она окажется пустой…

Через какое-то время мне расскажут, что в конце 1937 года останки Нестора были подвергнуты эксгумации, затем перевезены в район, называемый Маяком, и там сожжены; а пепел то ли развеян над рекой, то ли брошен в яму с известью…

Но эта информация окажется ложной…

Гибель семьи

В один из теплых октябрьских дней 1937 года пятнадцатилетний Рауф шел по главной сухумской улице с теми сверстниками, родители которых пока не успели или не сообразили запретить мальчикам встречаться с сыном «врага народа». Неожиданно, на перекрестке Сталина и Атарбекова он увидел властелина Грузии Лаврентия Берия, стоящего в окружении нескольких неизвестных Рауфу мужчин. Мальчик счел эту встречу огромной удачей, и смело подошел к старому «другу семьи». Однако и для Берия, и для окружавших его нукеров, появление Рауфа оказалось полной неожиданностью. И люди, готовые по первому блеску пенсне Лаврентия на какие угодно действия, оторопели как малые дети, да и сам патрон растерялся не меньше. И одному Богу известно, какие мрачные мысли пронеслись в его голове. Спохватившись, этот прекрасный актер обеими руками привлек к себе сына Нестора Лакоба. Повидимому, ему удалось одновременно ощупать мальчика, чтобы обезопасить себя от каких бы то ни было неприятностей. Затем, обведя оторопевших приспешников уже холодным взглядом, Лаврентий нарочито громко спросил: «Как поживаешь, Рауфчик? Не обижают ли тебя здесь?»

И дружелюбно похлопал мальчика по плечу.

Рауф давно грезил об этой встрече, но теперь его мечта осуществилась. От такого сердечного внимания, он расчувствовался, и слезы, предательские слезы, совершенно вытеснили из его не по-юношески умной головы стройные мысли, которые он вынашивал все это страшное время…

«Дядя Лаврентий, — захлебываясь от слез, произнес Рауф, — может быть…мой отец, Нестор Лакоба, действительно в чем-то виноват…ведь он был профессиональным политическим деятелем. Но мама, Вы ведь прекрасно знаете, что она никогда не занималась политикой. Освободите ее…верните мне маму, дядя Лаврентий!»

Внезапно Берия очень громко, так громко, чтобы услышал каждый в обычной для провинции толпе зевак, произнес: «Хорошо, Рауфчик, скоро мы разберемся во всем, и твоя мама вернется домой».

Но той же ночью несколько чекистов подняли с постели испуганного, измученного ожиданиями тщедушного мальчика. После повторной конфискации имущества, — того малого, что «милостиво» было оставлено при аресте матери, его отвезли в НКВД, чтобы через четыре года, проведя через все, что полагалось

«врагу народа», расстрелять в подвале Бутырской тюрьмы. Стоит ли говорить, что Рауф сам отдался в руки НКВД, причем дважды: когда подошел к Берия с просьбой освободить мать, и позже, когда написал из лагеря теплое, почти сыновнее письмо тому же Лаврентию с просьбой пересмотреть его дело. В стране, где даже туалеты находились под надзором «всевидящего ока власти», он бы вряд ли избежал пули.

Все было кончено. Нет, не в июле 41-го, когда по выражению поэта: «Рауфа вывели и расстреляли». Все было кончено той октябрьской ночью 1937-го. Не стало большой, крепкой, дружной семьи. С того злосчастного дня, когда Лаврентий Берия или Нина Гегечкори подсыпали отцу Рауфа цианистый калий в тарелку с речной форелью, прошло меньше года. Но за это время в тюрьмы и подвалы НКВД попали едва ли не все родственники Нестора и его жены Сарие. Да разве только родственники? Неужели, только «попали»? Исчезли почти все прямые и косвенные свидетели гибели председателя Абхазского Совнаркома. Пропали люди. Сгинули дома, вещи.

Через несколько дней после ареста Сарие, наша сестра Назие, тогда еще студентка сухумского вуза, по своему разумению придя к выводу, что женщина женщину лучше поймет, отправилась к жене беспартийного наркома внутренних дел Абхазии Пачулия. С единственной целью облегчить если не участь арестованной Сарие, то хотя бы условия ее пребывания в тюрьме. Недаром говорят, что наивность — родная сестра невинности и двоюродная — глупости.

Жена наркома приняла Назие настолько радушно, что сестра сочла это за признание ее былого авторитета (еще несколько лет назад самого Сталина сватали к Назие). Хозяйка же решила ошеломить гостью своей новой мебелью, тем более, что она была уверенна: Назие привело в ее дом женское любопытство. Но когда благоверная наркома распахнула перед гостьей двери двух смежных комнат, сестра ахнула, ибо узнала спальный и столовый гарнитур еще живой, даже не осужденной Сарие…

Но хватит о вещах, ведь речь идет о человеческой трагедии…

Сарие успела сделать главное до своего ареста. Она перезахоронила тело Нестора, так как была убеждена: надругаются, непременно надругаются. О том, где теперь покоится бывший председатель совнаркома, знали только она, мать «глухого» и наш брат Хэмди. Но они ничего не скажут: ни следователям, ни стукачам в тюремных камерах, ни самому Лаврентию Берия. И унесут эту тайну с собой, в могилу. Не скажет Сарие ни слова об архиве мужа, который мы спрятали под полом кухни (одному Аллаху известно, как его не обнару-жили

чекисты), ни о чем-либо другом, что может задеть честь Нестора. Но сколько мужества, отчаянного, необъяснимого мужества понадобилось ей, что-бы не «расколоться». Нет, это мужество изначально сидело в ней, родилось с ней. Ведь не испугалась она когда-то, несмотря на угрозы братьев, несмотря на мусульманское воспитание, бросить дом и уехать к Нестору — христианину-язычнику. В совершенно чужой Сухуми.

От нее требовали сознаться в том, что Лакоба готовил заговор против Сталина; что этот заговор должен был осуществиться ее руками. Пистолет или яд? Но этот позолоченный пистолет ей подарила сама Надежда Сергеевна — супруга Сталина…

Пистолет или яд?

Летом 1932 года Коба с женой отдыхали на Холодногреченской даче. Перед отъездом высоких гостей в Москву Лакоба стал настойчиво просить Сталина посетить озеро Рица. Практичный Нестор преследовал две цели: отдохнуть вместе с самим вождем и привлечь его внимание к развитию этого райского уголка природы. Возможно, Сталин поддался уговорам жены, ее романтическо-му настроению: верхом на лошадях сквозь девственные леса или же на автомо-билях по бзыбьской долине! Что может быть привлекательнее? Но вероятнее всего, вождю захотелось хоть на несколько дней отойти от государственных дел. Ведь и на даче, судя по многочисленным свидетельствам, у него не было такой возможности. Так что Коба согласился.

До пункта назначения добрались лишь к закату солнца. Сталина с супругой поместили в апацхе пастуха, — скромном временном жилище с глинобитным полом. Чете Лакоба, нескольким гостям и многочисленной охране вождя оста-валось коротать ночь под открытым небом, расположившись у ярко пылаю-щего костра. В непосредственной близости от апацхи.

Ничто так сладко не клонит ко сну, как тепло, исходящее от костра. Может быть поэтому, Сарие попросила мужа рассказать какую-нибудь историю. «Хотя бы сказку», — сказала она, словно назойливый ребенок. И чтобы не заснуть, что-бы не дай Бог (или боги) не «оставить» вождя, Нестор, познавший безотцов-щину, крайнюю нужду и сплошные тройки в свидетельстве об окончании реа-льного училища; понюхавший пороху в гражданскую, еще в двадцатые годы, вместе с женой, владевший первыми в Абхазии автомобилями, а главное, вку-сивший еще не смертоносный, но все же яд конкурентной борьбы (а то за-чем он здесь, в Абхазии, стал первым из последних?) начал что-то расска-зывать. И вдруг, такое тоже бывает, из темноты вышел Сталин. Разумеется, все присутствовавшие, как по команде, поднялись с мест, и не потому, что не-которые были абхазцами.*А Сталин, — неважно имелась при нем трубка или нет, — был настоящим Сталиным, — уже царем, императором, но, несмотря на со-лидный возраст, пока что молодым богом… Он обратился к Сарие:

«Надя просила, чтобы Вы пошли к ней!».

Сарие Ахмедовна тут же ушла, а вождь занял ее место у костра. Да, это был еще молодой бог. Правда, Лакоба уже ничего не говорил, но Иосиф Вис-сарионович рассказал, как вспоминали впоследствии очевидцы события, нес-колько «замечательнейших

притч». Наполовину глухой, Нестор был так же плохим стенографистом, но много слушателей — это почти магнитофон. Ко-му-то все же удалось записать притчи, а впоследствии Нестор переписал их набело. Эти притчи, — не могу поклясться, что Сталин был не только их расска-зчиком, но и автором, — сохранились в архиве Лакоба и дошли до наших дней. Но недосуг пересказывать притчи. Другое дело — Сталин. Думаю что он, если и был когда-то нормальным человеком, то только в те далекие годы, пото-му что не мог еще владеть собой…или еще не полностью овладел. Он еще не целиком избавился от скромности, ведь и бандиты бывают скромными. А он все еще находился в шкуре, полинявшей, правда, шкуре, простого бандита. Он оставался еще в какой-то, пусть и незначительной степени, закомплек-сованным люмпеном. А главное, потенциальные противники еще не были уничтожены…

Что до Сарие, то она не смыкала глаз в «апацхе надежды Сергеевны». Да и хозяйка с веселой ноткой в голосе вдруг рассказала, что едва Иосиф Виссарионович переступил низкий порог хижины, она спросила его: «А где ночуют Лакоба с супругой?»

«Они у костра, со всеми!», — ответил Сталин.

«И ты, сын седого Кавказа, посмел оставить ее одну, среди стольких муж-чин?!»

«Она с мужем», — пробурчал Сталин.

«Тогда я вскочила на ноги и уверенно сказала: пойду к ним и сяду рядом с Сарией», — уже со смехом продолжала сплетничать Надежда Сергеевна.

Но Сталин сам вышел из хижины.

Надежда Сергеевна, поняв, что Сарие, не зная, как ответить, сильно смущена, привлекла ее к себе, поцеловала в щеку и весело сообщила: «Не волнуйтесь, он в долгу не останется, особенно за сына «седого Кавказа».

Утром Надежда Сергеевна, в знак дружбы подарила Сарие позолоченный да-мский пистолет и веер из слоновой кости. Пистолет изъяли при первом же обы-ске. А веер лежит у меня на каминной полке.

Но каким образом узнал Лаврентий о подарке Надежды Сергеевны. Ведь в апацхе в то утро не было свидетелей. На одном из допросов Берия требовал от Сарие признаться в том, что в 35-ом году, когда она с мужем были на банке-те у Сталина, этот пистолет находился у нее в сумочке.

«Для чего ты притащила его в гостеприимный дом великого вождя, — неистов-ствовал Лаврентий, — если не намеревалась убить Сталина?»…

Шел 1935 год. Нестор и Сарие в Москве, как обычно они остановились в гос-тинице «Метрополь». Как-то вечером Сталин позвал Нестора к себе на ужин, а Сарие осталась в гостинице. Неожиданно в дверь номера постучали. У порога стоял знаменитый телохранитель Кобы — Власик. От имени вождя он пригласил Сарие присоединиться к гостям, тем более что супруг уже был там. Сарие Ахмедовна, сославшись на головную боль, отказалась от заманчивого предло-жения. Уходя, Власик бросил фразу: «Поверьте, уважаемая мадам Лакоба, пер-вый раз в жизни я не выполняю распоряжение вождя».

Не прошло и получаса, как в номере снова появился Власик. На сей раз он, без приглашения хозяйки, опустился в кресло и молвил: «Получил нагоняй от хозяина. Теперь не сдвинусь с места, пока Вы не согласитесь ехать со мной!»

Пришлось согласиться, но, закрывая дверь, Сарие вспомнила, что в порт-моне лежит позолоченный пистолет, и, решив не возвращаться, кинула его пря-мо через порог на диван. Разумеется, Власик доложил об этом случае. Что ж, то было его прямой обязанностью, даже по отношению к людям, которые всегда радушно принимали его и исполняли многочисленные просьбы. Сохра-нилось письмо, адресованное Нестору и начинающееся словами: «Уважаемый Нестор Аполонович. Во первых, спасибо большое за оказанное внимание». А завершается оно словами: «Ваш Власик».*

Но уже Лаврентий Берия в «интересах следствия» пополнил историю с позолоченным пистолетом «недостающими фактами». Он закрыл глаза на то, что Сарие оставила оружие в гостиничном номере. Новая версия выглядела следующим образом: пистолет лежал у нее в сумочке или портмоне, когда она ужинала у генсека. И никого не интересовало, почему она не попыталась выстрелить.

Берия и сам любил дарить оружие. Неужели он забыл, как в октябре 29-го отправил Нестору пистолет, сопроводив презент запиской: «Дорогой Нестор! Посылаю тебе свой револьвер и двести пятьдесят шт. патрон. Внешний его вид пусть тебя несмущает — револьвер призовой. Спривет твой Лаврентий».

Двести пятьдесят патрон с лихвой хватило бы на уничтожение не только Кобы, но и всего состава Политбюро…

Что же касается Сарие, то Берия и этого было мало. Он решил пустить в ход историю с обедом в селе Лыхны, когда Сталин был гостем семьи Лакоба. Коба приехал в родное село Нестора из своей дачи. Лаврентий, заранее преду-прежденный о том, что будет Сталин, явился намного раньше вождя. За небольшим обеденным столом сидело четверо мужчин: Сталин, Власик,

Берия и Лакоба. Сарие, как и подобает жене абхазца, обслуживала гостей; мать Нестора Шахусна заняла место на кухне.

Коба, по привычке, принялся мелкими глотками дегустировать местное ви-но. Хозяйка стола, согласно обычаю, подала каждому сотрапезнику горячую мамалыгу с кусочками копченого сыра. Внезапно Берия подчеркнутым дви-жением поменял свою порцию мамалыги на порцию вождя. При этом Власик и Лакоба обменялись взглядами, но притворились, будто ничего экстраординар-ного не произошло. Ибо в дело вмешался Сталин. Он демонстративно вернул Лаврентию его порцию, пристально посмотрев Сарие в глаза. Мол, не верю и не боюсь. А может быть, доверяю? Затем вождь, осушив бокал вина, принялся за копченую козлятину.

Сарие же стояла у дверей, с великой обидой переживая провокационный выпад Берия. Ей нанесли оскорбление, ее, пусть не прямо, но косвенно заподоз-рили в том, что она может отравить вождя. Тогда она еще не знала, что для НКВД не существует разницы между прямыми и косвенными уликами. Но Сарие удалось таки ответить Лаврентию. Когда их взгляды встретились, а рано или поздно это должно было произойти, Сарие сказала: «Уважаемый Лаврентий Павлович! Наши обычаи не позволяют плохо думать не только о дорогом сердцу госте, но и о тех, кто держит за пазухой камень!».

Обед был завершен. Его качество и аппетит гостей без слов засвидетельствовали пустые тарелки и бокалы. Лишь одна тарелка осталась нетронутой — это была порция мамалыги, предназначенная Сталину…Вождь все же «клюнул» на подстрекательство Берия.

После отъезда Сталина Лакоба накинулся на Берия, обвиняя его в предатель-стве и подстрекательстве, но лукавый Лаврентий не менее энергично парировал все упреки, уверяя, будто после того, как Сарие поставила перед Сталиным тарелку с мамалыгой, от его наметанного взгляда не ускользнуло, что по лицу вождя пробежала тень испуга. Вот, дескать, почему он был вынужден поступить так нетактично…

Не следовало ли Нестору откровенно высказаться в присутствии Сталина? Ведь, когда необходимо говорить, молчать и глупо, и постыдно. Однако между Сталиным и Берия уже намечался союз, и помешать ему было практически невозможно. Но об этом в другом месте.

Берия долго мучил несчастную женщину воспоминаниями об этом обеде. «Отвечай, сука, кто помешал тебе и Нестору тогда, в Лыхнах, отравить отца советского народа?», — кричал Лаврентий, нанося один за другим удары по истерзанному телу жертвы.

Проклятый архив

И повсюду ему мерещился архив Нестора Лакоба: записная книжка председателя СНК, которую Сарие после гибели мужа возила в Москву и тщетно пыталась показать Сталину. Быть может в ней содержалась информация о смертном приговоре, который вынесли Берия в 1920 году в Баку вместе с группой мусаватистов (Лаврентию тогда непостижимым образом удалось избежать смерти). Возможно, записная книжка находилась уже в руках Берия или была сожжена вместе с другими компрометирующими документами. А что если записки Троцкого к Нестору? Ведь Троцкий два раза отдыхал в Абхазии и едва ли не ежедневно встречался с «глухим»…

Да еще фотоснимок из альбома, подаренного Нестору Лакоба в сентябре 1933 года. Эпизод из дачной жизни, но тот случай, который мог взбудоражить умы. Здесь, на Холодноречeнской даче, Сталин и Берия, в мистической сцене с участием эпизодических актеров, коими были Ворошилов, Лакоба, архитектор Юшкин и безымянный охранник вождя, продемонстрировали миру свои истинные намерения. Однако, хорошенько подумав, Берия решил, что лучше, если мир этого не увидит.

Но может быть, Лаврентию было наплевать на весь земной шар, возможно, его интересовала только реакция Сталина. Сарие рассказывала, что он, увидев у садовника топор, закричал, что есть мочи: «Дайте и мне топор, я моложе всех…я один в силах срубить любое дерево, на которое укажет Иосиф Виссарионович!». С этими словами он выхватил у садовника топор и принялся орудовать им как заправский лесоруб, но исступленно, неистово. Как будто перед ним были не обыкновенные для тех мест кустарники, а головы противников. Потом Лаврентий заткнул орудие за армейский ремень и сфотографировался вместе со Сталиным и другими лицами, уже указанными мною в качестве второстепенных актеров. Берия, на этом снимке, смотрит не в сторону фотографа, как это должно быть, а на любимого вождя. Всем своим видом изображая готовность к любому действию. Сталину это нравится: под его знаменитыми усами прячется улыбка…

В альбоме были и другие интересные фотографии, которые могли представить Сталина и Берия в непривычном виде. Но главное, на многих снимках рядом с вождем фотограф запечатлел Нестора Лакоба и других, теперь уже ликвидированных «врагов». А память о них должна была быть стерта с лица земли.

В какой точно день и час начались поиски архива, — мне это неизвестно. Но первый тревожный «звонок» прозвучал в начале февраля тридцать седьмого, когда приятель Нестора поинтересовался, где находятся бумаги покойного. Раньше никто не задавал подобных вопросов. Несмотря на то, что моя сестра была женщиной выдержанной, я почувствовал в ней некоторую нервозность и обеспокоенность, однако, не придал этому особого значения. Тогда меня больше занимала проблема трудоустройства. Я, новоиспеченный инженер-строитель, был уволен с работы без всякого, на мой взгляд, основания. Но у работодателя… у него то были причины для увольнения. И причинно-следственные связи, извините за каламбур,…со следственным отделом НКВД.

Был теплый зимний день, каких немало в Абхазии и в это время года. Порой случается, что весна забредет в февраль и останется там надолго, и, попирая законы природы, зацветут вишня и виноград. И вот я иду по городу, вдыхая ароматы зимнего мая, со смешанным чувством радости и печали, — за преображение земли и наши семейные тяготы. Прохожу мимо бывшей гостиницы «Сан-Ремо». Меня окликают по имени. Кто это? А, Георгий Чхеидзе, наш «хромой бес». Он живет тут, рядом с отелем, на втором этаже неказистого дома. Жора был другом Нестора, одним из немногих, кто не предаст ни его, ни нас. Он пригласил меня к себе, на два слова. Георгий Чхеидзе аккуратно посещал дом Лакоба, но в присутствии Сарие не хотел, не мог обсуждать щекотливых, болезненных тем. А здесь, у него на квартире, запретных вопросов не существовало. Поднявшись по старой, скрипучей лестнице на второй этаж мы прошли в темную, пахнущую керосином и мышами комнату. Жора усадил меня на диван, а сам устроился в потрепанном кожаном кресле. «Ну что Мусто, как с работой?», — спросил он, однако, сразу стало ясно, что попал я сюда совсем по-другому делу. «Да вот, хожу, ищу, пока ничего не получается». Наконец, Жора заговорил по существу. «Как Сарие относится к назначению Алексея Агрба председателем совнаркома?», — спросил он, явно раздраженный необходимостью произносить ненавистное имя нового руководителя. Я обрадовался этому вопросу, так как прекрасно понимал, что сестра сильно переживает из-за выдвижения старого врага Нестора, пусть и не выдает себя. Жора сказал и несколько теплых слов о Сарие, о ее колоссальном самообладании, а затем, назвал Берия подлецом. В конце разговора он заявил, что Алексея Агрба следовало бы пристрелить, как бешенного пса…

В тот же вечер я все рассказал Сарие, ведь мне хотелось сделать ей приятное, а что может быть для страждущей души

милее хорошего слова. Но мы совер-шили непростительную глупость, открыв этот секрет и некоторым родственникам, хотя народная мудрость гласит: «Трое могут сохранить тайну, если двое из них мертвы». А наш «секрет» знали шесть или семь человек.

Но кто же такой Агрба и отчего его ненавидели в семье Нестора? Пока в Абхазии правил Лакоба, Алексею было крайне трудно работать в Сухуми. Несмотря на поддержку со стороны Берия. И дважды Агрба вынуждали оставить Абхазию. Как-то посредником в споре между ними выступил сам Серго Орджоникидзе. «…Решительно надо положить конец абхазской склоке и вновь взяться за совместную работу…», — писал он Нестору. Но тот не шел на перемирие, да и Агрба не очень то желал этого. Тогда Серго поставил вопрос иначе: «Неужели два абхазца не могут найти общий язык?». Нестор ответил остроумно, но без обиняков: «По иронии судьбы у нас один совнарком, а мы оба хотим быть его председателями».

Агрба и Берия были коллегами по работе в НКВД, вот почему Лаврентий покровительствовал ему и при жизни Нестора, и после смерти «глухого». Однако ненависть Нестора не связывалась ни с чекистским прошлым Агрба, ни с тем, что тот, как писал Лакоба «будучи помощником нач. милиции (при меньшевиках, прим. М. Д.) в Гудаутах,…громил не только большевиков, но и сочувствующих им крестьян».

Разве сам Нестор не работал при меньшевиках комиссаром милиции? Неужто сводный брат Нестора не был заместителем председателя НКВД Абхазии? Другое дело, личные качества Агрба, — хитрость и угодничество. Они беспокоили Лакоба, эти черты характера давали Алексею преимущество в конкурентной борьбе…

Но мне Агрба мог пригодиться, я тайно надеялся на его снисходительность: ведь он взял вверх над Нестором, пусть и в заочной схватке. Так что же еще ему надо было от нас? Я рассчитывал попасть на прием к председателю совнаркома, и, продемонстрировав показную лояльность, попросить Агрба устроить меня на работу. Чего скрывать, каждый из нас с младых ногтей учился приспосабливаться и лгать. И вдруг по городу пронеслась ошеломляющая новость: арестовали Георгия Чхеидзе. За что? Почему?

Говорили, что Жора был в заговоре с Нестором (на самом же деле, комплот организовали сторонники Агрба). Но меня это не останавливало. Нет, я не отличался безграничной самоуверенностью, в кабинет председателя меня толкала тривиальная наивность. Но в приемной Агрба мой пыл

значительно охладеет. Я думал, что, придя к самому началу рабочего дня, сразу же попаду к шефу. Ведь он знал всех наших в лицо. Перед тем как доложить обо мне председателю, секретарша улыбалась и даже предложила чаю, но, выйдя из кабинета патрона, прошла мимо меня, словно я не существовал на свете. Я осмелился, было, напомнить о себе, но эта рыжеволосая абхазка, как заорет: «Что вы корчите из себя принца крови! Все еще воображаете, что совнарком принадлежит вашей семье!?». Я два месяца ничего не воображал, мне хотелось работать, быть хоть чем-то полезным Сарие и Рауфу.

Тем временем в кабинет шефа вошли шесть посетителей. Никто не поздоровался со мной, хотя трое из них, включая родственника председателя, Захара Агрба, знали меня весьма неплохо. Мое самолюбие было сильно задето этим пренебрежением, но лишь с годами я понял, что они не питали ко мне никакой личной неприязни. Здесь действовали только законы борьбы за существование.

Решив, что настало время уходить, я направился к двери, но был остановлен секретаршей. «Куда Вы? Садитесь, садитесь, я сейчас же узнаю в чем дело!», — сказала она озабоченно. Я уже начал понимать, что тут что-то предпринималось. Ведь меня не приглашали к шефу, но и домой не отпускали. Но только я захотел улизнуть, дверь председательского кабинета растворилась, и секретарша поманила меня пальцем.

Я всегда ненавидел, когда человека рассматривают, как музейный экспонат, причем у нас это делают настолько бесцеремонно, что хочется кричать всем в лицо ругательные слова. Так и меня разглядывали в кабинете председателя, точно я был голым или наоборот, необычно одетым. Выдержав длинную паузу, Агрба сказал: «Подойдите ко мне!». Я подошел.

«Что у Вас?».

«Заявление!».

«Покажите!».

Я протянул ему бумагу. Он не стал ее читать, поднял на меня глаза и спросил:

«Что вы хотите?».

«Работать!».

«Какая у Вас специальность?».

«Я инженер-строитель».

«Когда окончили институт?».

«В июле прошлого года».

«Где Вы работали?».

«В проектной конторе».

«Почему уволились?».

«Меня уволили…по сокращению».

«Комсомолец?».

«Да!».

«Обращались ли в горком комсомола?».

«Нет…пока нет».

Агрба пошептался с посетителями, но так тихо, что я ничего не услышал. Потом он сказал: «Хорошо, я еще посоветуюсь с товарищами. Думаю, что-нибудь сделаем для Вас». Он даже изобразил на лице нечто вроде улыбки.

Я поблагодарил председателя, попрощался и вышел…

А три дня спустя меня вызвали повесткой…не в совнарком, а в НКВД.

В проходной, достаточно было назвать мою фамилию, как сразу же меня препроводили к следователю Петросяну. Это был мужчина высоченного роста, с крупными чертами лица, огромным носом и буйной растительностью на теле, — по случаю хорошей погоды он закатал рукава рубашки, но, возможно, хотел внушить мне побольше страху обезьяньим видом своих толстых, волосатых рук. Они всегда так поступали: демонстрировали бицепсы, вертели перед носом дубинкой или рассказывали кому-то по телефону про хорошую трепку, заданную твоему предшественнику. Иногда допросы начинались под аккомпанемент душераздирающих криков, доносящихся из соседних помещений. Но чаще всего к подобным психологическим атакам прибегать не приходилось, ибо вопли можно было легко вызвать и в своем кабинете.

Петросян сразу же приступил к делу. «Почему ты ходил к Алексею Агрба?», — спросил он, сверля меня взглядом.

«Просил устроить на работу».

«Допустим, допустим. Отчего же раньше не ходил?».

«Тогда я работал».

«Не хорошо, Мусто, не хорошо! Напрасно ты со мной неискренен!».

«Я говорю вполне искренне».

«Стало быть, ты отрицаешь, что пошел в совнарком с целью…разведать обстановку?».

«Какую такую обстановку?».

Следователь посмотрел на меня свирепо.

«Зато я знаю, — закричал он, — Чхеидзе советовал тебе пристрелить Алексея Агрба, как бешенную собаку! Ну что, сволочь, скажешь, я вру?».

Был ли я готов к такому повороту событий? Нет, ни в коем случае. Я думал, что следователя будет интересовать настроение в нашей семье после странной смерти хозяина, и ничто другое.

Но как только Петросян завел разговор о моем визите в совнарком, мне показалось, что он хочет выведать, не болтал ли я председателю что-нибудь нехорошее про НКВД. Ведь тогда я еще не понимал, как тесно связаны их ведомства. Однако я сумел выдавить из себя оправдание: «Чхеидзе ничего подобного мне не говорил».

Но Петросян вдруг снизил обороты. Его тон стал мягче, терпимее.

«Глупый ты! Ах, какой ты дурак! Мы прекрасно знаем, что никакой ты не заговорщик, а простой советский парень. Комсомолец! Ведь ты комсомолец? Нам известно, что пошел ты к председателю совнаркома не по своей воле, а по настоянию врага народа Георгия Чхеидзе. Пойми, дурень, что мы проверяем не тебя, а Чхеидзе!».

Я сказал, что прекрасно понимаю, что от меня хотят, но не могу наговаривать на Георгия.

«В таком случае, — ответил Петросян, — мне остается только одно. Вызвать Чхеидзе на очную ставку с тобой. Тогда уж пеняй на себя!». Поразительно, как стремительно у чекистов менялось настроение. Или же они сознательно переходили от гнева к умиротворенности и наоборот. Но только Петросян собрался, было, осуществить свою угрозу, как в кабинет вошел сам нарком внутренних дел Чичико Пачулия. При виде шефа, следователь замер на своем месте и все время, пока тот находился в помещении, не проронил ни слова.

«Ты меня знаешь?», — спросил нарком, подойдя ко мне вплотную.

«Да, конечно, по Батуми!».

«Лютфи Джих-оглы твой брат?».

«Да, брат».

«Где он теперь?».

«Понятия не имею».

«Вот что товарищ Джих-оглы (он так и сказал, товарищ Джих-оглы), мы против тебя решительно ничего не имеем, более того, уверены, что ты человек честный и искренний, настоящий советский инженер (они очень любили произносить высокие слова, такие, как «настоящий советский человек» и «подлинный коммунист» или «комсомолец). Мы тебе во всем поможем, устроим на хорошую работу, создадим нормальные условия… Но и ты, в свою очередь, должен нам оказать услугу. Впрочем, многого от тебя не потребуется, только разузнай, где находится архив Лакоба».

Значит, они интересуются документами. А все остальное, лишь предлог для достижения цели. Включая и разговоры о

покушении на председателя совнаркома. Бедный Жора будет сидеть и без моих показаний, хотя здесь всегда могли выбить нужные «улики», даже у куда более искушенных людей, чем я. Бог знает, как бы я повел себя в том случае, если бы им вздумалось применить силу, но Пачулия и не намекал на это.

Ему нужен был альбом с фотографиями, тот самый альбом, который органы издали для узкого круга друзей вождя в 1933 году. «У нас имеется расписка Нестора Лакоба, подтверждающая, что он в свое время получил экземпляр этого издания», — продемонстрировал Пачулия наркомовскую осведомленность.

Все документы и фотографии Нестора, включая пресловутый альбом, лежали на дне старого водогрейного бака. Этот временный тайник можно было довольно легко обнаружить, хотя бы потому, что о нем знали не только я и Сарие. Однако до вызова в НКВД я, хоть и предполагал, что архив зятя может заинтересовать чекистов, но никак не думал о столь высокой котировке альбома. Мы припрятали документы не потому, что из всего наследия Нестора ценили только его бумаги. Или же с первого дня трагедии рассчитали все ходы карательных органов. Просто Сарие была обижена на власть, и не хотела отдавать новым руководителям ни старой выцветшей фотографии, ни клочка, ни строчки…

«Мне ничего не известно об этом альбоме», — сказал я наркому, постаравшись придать выражению лица и голосу максимум прямоты.

«Но он существует, и ты, если захочешь, можешь помочь нам его найти!».

«Я спрошу у сестры».

«Этого как раз не следует делать!».

«В таком случае, я постараюсь тайком разыскать его, и как только обнаружу, сообщу вам».

«Вот молодец! Я в тебе не сомневался. Теперь ты можешь идти, но как только найдешь альбом, неси его сюда, или лучше, позвони мне». И он дал номер свое-го служебного телефона.

Покидая кабинет следователя, Пачулия самодовольно посмотрел на подчиненного, дескать, учись, как следует вербовать людей.

Дома я передал Сарие содержание разговора с Чичико Пачулия. «Они ничего не получат», — сказала сестра.

Однако сжечь документы рука не поднималась. Поэтому мы твердо решили спрятать основную часть архива в другом тайнике, а некоторые бумаги и фото-снимки вместе с макулатурой прилюдно предать огню.

Ночью, я и сестра, как заговорщики, плотно прикрыв

кухонную дверь, сорвали одну их досок пола и аккуратно уложили туда все письма и фотографии, не подлежащие уничтожению…

Прошло две недели, я не звонил Пачулия, и он, как ни странно меня не тревожил. Ни по поводу архива, ни по делу Чхеидзе. Чем же объяснялось молчание НКВД? Да тем, что Пачулия было далеко не до бумаг Нестора, — его срочно переводили в другое место. А «жертву» Георгия Чхеидзе — Алексея Агрба вскоре тоже посадили в тюрьму. Мишень террористического акта хромого Жоры перестала существовать.

Молот против ведьм

Моя сестра не сдавалась. А пытали ее самым изуверским способом. Берия лично принимал активнейшее участие в «процессе дознания»…

Как-то Нестор нашел в домашней библиотеке Лаврентия «странную книгу». И удивлялся, для чего она ему. Этой необычной книгой был перевод А. Брюсова пособия для инквизиционных судов по ведовским процессам, под названием «Молот ведьм» (Malleus maleficarum). Нестора трудно было назвать наивным человеком, но в данном случае он недооценил Лаврентия: «великий инквизитор» учился не только у чекистов. Он черпал знания и у коллег в далеком средневековье.

Рассказывали, что Сарие посадили в подвал, наполненный водой, и пустили туда змею. Даже если этот эпизод (а змей Сарие действительно боялась больше всего на свете) является плодом фантазии несчастных, доведенных до умопомрачения заключенных, если история в стиле Оруэлла не имела места в 37–38 г. г, Берия и садистка Подольская все же использовали едва ли не все доступные методы из арсенала истязателей.

После безрезультатных пыток, — Сарие не сказала ничего, — разве что крики смогли выудить у этой стойкой женщины, Берия решился на беспрецедентный поступок. На очную ставку Сарие с сыном. Очная ставка шестнадцатилетнего изувеченного юноши с измученной матерью, — прекрасный шанс, по мнению Берия, выбить у нее признание. Но много ли в человеческой истории примеров подобного злодейства? Видимо Лаврентий в бессильной злобе решил утешить себя чудовищным поступком…

Ей разрешили обнять Рауфа. Наверное, сценарий предусматривал такое действие. Необходимо было довести мать до отчаяния. Дрожащей рукой Сарие погладила сына по израненной голове, но, вдруг твердым голосом сказала:

«Как ты вырос, мой мальчик!»

«Но ты ни разу не взглянула на меня?», — удивился Рауф.

Ее веки так сильно распухли, что она, как ни старалась, не могла открыть глаз. А может быть… она уже ничего не видела…

«Что сказать тебе, мой мальчик?! Готовая уйти из жизни, я не в силах…оставить в душе облик того существа, которое любила больше…».

Но Берия не дал ей договорить. Он уже ревел, он уже командовал приспешникам: «Бейте этого выродка, топчите его ногами! Она не может видеть, зато хорошо услышит! Теперь-то она сама назовет проклятого Нестора «врагом народа». И обо

всем, как миленькая, расскажет…».

«Спаси меня, мама, — молил Рауф, — когда эти звери накинулись на него и стали избивать ногами. «Я больше не вынесу…».

Что может быть для матери нестерпимее, чем видеть, как сын страдает из-за нее. Но Сарие прекрасно понимала, что этих выродков унять невозможно.

Из больных глаз ручьем текли слезы, но в тот момент, когда Берия решил, что сумел-таки «расколоть контрреволюционную гидру», Сарие произнесла из ряда вон выходящие слова: «Терпи сын мой, ради отца терпи!».

Задолго до выхода знаменитой статьи А. Солженицина, Сарие своей стой-костью показала, что были в те страшные годы люди, которые сумели «жить не по лжи»…

Зимой 1940 года я некоторое время содержался в пересыльной тюрьме г. Тбилиси, переполненной такими же, как и я «врагами народа». Все ожида-ли этапа. Моим соседом по нарам оказался родной брат бывшего секретаря ЦК КП (б) Грузии Кахиани, который рассказал мне еще об одной очной ста-вке, предпринятой Берия, — на сей раз с братом Сарие (и, естественно, моим братом) Лютфи.

Перед тем как устроить очную ставку, Лютфи внушили, как он должен себя вести, с тем, чтобы Сарие, наконец, развязала язык. В случае «благопо-лучного исхода» ему гарантировали не только жизнь, но и полную неприкос-новенность. Что-что, а на обещания эти изверги никогда не скупились…

Если бы читатель имел возможность прочесть слова, нацарапанные на стенах бывшей внутренней тюрьмы НКВД г. Батуми, он бы понял, что и здесь, и в Тбилисской тюрьме внутренних дел, и в любом другом подобном заведении на огромной территории СССР «физическая неприкосновенность» ценилась выше жизни. «Он вернулся в камеру без глаз», «После двухчасового допроса он мо-чился кровью», «Он умолял нас перегрызть ему вены, потому что сам сде-лать этого не мог — у него не осталось ни зубов, ни ногтей»…

Лютфи не сразу узнал в этой старухе среднюю сестру. Что осталось от былой ее красоты? Ни следа, ни намека. Она же узнала его лишь по голосу…Он был потрясен до глубины души, но все-таки сумел подавить в себе вопль, хотя слез удержать не смог. Ему не помешали подойти близко к сестре, встать на колени, обнять ее.

Сарие, воспользовавшись моментом, призналась ему на ухо, что по ее вине страдает вся родня — пять братьев, младшая сестра, дяди, невестки. Все арес-тованы, всех ожидает либо

смерть, либо долгая тюрьма. И повинилась Лютфи, что не выйди она наперекор братьям за Нестора Лакоба, ничего такого с ними не произошло бы. Если бы она была хорошей сестрой, то пожертвовала бы сво-ей любовью ради родных…

Но именно любовь к мужу, беззаветная любовь и преданность, поставили Сарие на недосягаемую высоту….

Лютфи… не держит на нее зла. Он говорит, что неприязнь к Нестору, отри-цательное отношение к их браку у братьев быстро прошли (то-то, ведь мы были родственниками Председателя СНК и ЦИК Абхазии, в гости к которому приезжал сам Сталин).

«Мы тоже во многом виноваты», — вздохнув, произнес он.

«В чем», — насторожилась Сарие, — надеясь услышать хотя бы одно слово, спо-собное уменьшить ее вину перед родными.

«Не становись слишком близко к огню, — сгоришь, не становись далеко, — заме-рзнешь, выбирай середину, — нагреешься!»… «Вы стояли слишком близко к трону, — вот и сгорели, а я замерз, потому что был слишком далеко» (Лютфи, хоть и был родным братом Сарие, никогда не переступал порог ее дома).

«Да, но ведь Хакки*… как раз он был не очень близко, не очень далеко, тем не менее, пострадал!»

«Всем известно, что Хакки — старый член партии и в годы подполья актив-но помогал Нестору».

Но в этот момент, вероятно, раздался сухой кашель следователя. Он прозвучал сигналом к обговоренному наступлению. Им и так слишком многое позволили сказать.

«Ты могла бы несколько облегчить участь…хотя бы Рауфчика», — неожидан-но поменял тему разговора мой несчастный, загнанный в тупик брат.

«Каким образом?»

«Тебе следует пожертвовать именем Нестора! Уже давно все его родственни-ки, друзья, наконец, вся Абхазия отказались от него…».

…Неужели ей одной дано было понять, что даже если бы она отказалась от Не-стора, предала бы его имя ради жизни братьев, их ни в коем случае не пощади-ли бы. И эта уверенность вселила в сердце необычайную силу сопротивления злу и умение молча переносить страдания. Ведь недаром говорят: отнять наде-жду у порока, значит дать оружие добродетели!..

«Сарие, сестра моя!», — взмолился несчастный Лютфи. Он уже потерял равно-весие, он открыл все свои карты.

И вдруг холодный как лед голос Сарие пронзил его сердце: «Прочь! Ты не Лютфи! Он был слишком честным для такой грязной роли!»…

Решением тройки НКВД Грузинской ССР, Лютфи был расстрелян 14 июня 1938 года…

К концу 37-го все братья были арестованы. Только я оставался на свободе. Но решил покинуть Сухуми и переехать к маме. Кстати, она была насильственно переселена из собственного дома в маленький старый сарай. А наш родовой дом заняли какие-то люди, черт знает, откуда приехавшие в город и смотрев-шие на меня и маму с презрением.

Наши мучения на призрачной свободе усугублялись тем, что родственни-ки, за исключением двоюродных сестер, живших по соседству, остерегались нас, знакомые — раззнакомились, а чиновники, как только узнавали из анкет об истории семьи, в лучшем случае показывали на дверь.

Тот, кто сказал, что страх приносит мудрость, либо никакого представления не имел о страхе, либо не ведал, что такое мудрость. Я имею полное право так говорить, потому что за время жизни в сарае пережил такие мучения от пос-тоянного ожидания ареста, однако не только не прибавилось во мне мудрости, а напротив, я перестал нормально мыслить. И клянусь Аллахом, что впервые свободно вздохнул только тогда, когда очутился в душной камере внутренней тюрьмы НКВД. Но до этого…

Каждый посторонний вызывал во мне чувство тревоги. И я задними двора-ми убегал к двоюродным сестрам, — единственным родственницам, которые пре-доставляли убежище. Но однажды я не успел. Мама готовила любимое блю-до, мне удалось достать немного вина, и я отвлекся. Или устал. Устал жда-ть, бояться.

Они пришли незаметно. Как дикие кошки пробрались к двери и постучали. О том, чтобы не открыть, не могло быть и речи. Кто-нибудь из соседей мог нас-тучать, что я дома, то есть в сарае. Обязательно бы настучал. Они бы сломали дверь, напугали мать, и кроме побоев и сердечного удара у матери, ничего из этого не вышло бы.

Одного из чекистов, Отари Пхакадзе, я запомню навсегда: в 54-ом, когда я окончательно вернусь домой (а был еще и второй срок), этот негодяй предло-жит мне стать сексотом.* «Он меня посадил, но прошли годы, все изменилось, мы можем стать друзьями!». Пятнадцать лет тюрем, лагерей и ссылок, в принципе, дают человеку единственное преимущество. Они позволяют посылать к чертовой матери сволочей, подобных Пхакадзе.

Я уже сказал, что был и второй срок. В 1947 году мне удалось вернуть-ся домой, — с «волчьим билетом», без права на жительство. Кое-как устроился на работу — в г. Кутаиси. И все-

таки на меня донесли. Но мир не без добрых лю-дей: вовремя предупредили. И я буквально сбежал в Батуми. Жил, как говорится, ниже травы, тише воды.

А подставил меня родственник. Этого человека уже давно нет в живых, от-того и не хочется называть его имени. Был жаркий, летний день, страшно му-чила жажда и я решил сходить за лимонадом в лавочку Александрэ. Внезапно, как снег на голову, свалился этот родственник. Мама сказала, что он не был у нас целую вечность. Его удивило, что я иду за холодным лимонадом, будто мы встретились зимой; он нес вздор, в общем, плохо справлялся с ролью, ви-димо был еще неопытным стукачом. Но задержать меня сумел. И вдруг при-шли они. Чекисты ходили тогда парами, как в классических фильмах о тай-ной полиции, но по случаю лета — без плащей. И странно, что один из них все-гда говорил с армянским акцентом…

На следующий день после первого ареста, то есть 15 июля 1939 года, я был отправлен в Сухуми, где разыгралась трагедия семьи Лакоба.

Меня посадили вместе с крестьянином по фамилии Агрба. От него я полу-чил первые сведения о том, что творилось в Абхазии. Причиной же его ареста было элементарное гостеприимство. Он приютил на ночь односельчанина, ко-торого несправедливо объявили абреком.** Однажды ночью Агрба вызвали на допрос. А привели, то есть приволокли, лишь под утро; избитого до полусмер-ти. И бросили, как ненужную вещь. «Меня колотили шомполами», — задыхаясь, признался он. Я никогда не забуду слов этого крестьянина: «Ты человек обра-зованный, тебя они не посмеют тронуть»…

Однако через десять дней настала моя очередь…

В большом кабинете наркома внутренних дел Абхазии Варлама Какучая на-ходились еще двое: начальник следственного отдела Калинин и заместитель наркома Гагуа. Этот Какучая начинал свою грязную карьеру в Зугдиди, где прославился «фирменными» пытками. Он, в частности, заставлял арестованных несколько часов кряду стоять на холоде, надев им на шеи покрышки от грузо-вых автомобилей. Подражая своему учителю Лаврентию Берия, он держал на роскошно обставленной квартире молоденьких домработниц. Потом Какучая перевели во Владикавказ. Первое время, пользуясь своим одиночеством, будущий нарком ВД Абхазии каждый вечер устраивал у себя на квартире оргии. Но когда в столицу северной Осетии переехала семья Варлама, ему пришлось несколько охладить донжуанский пыл. Тогда Какучая переводит из камеры предварительного заключения во внутреннюю тюрьму НКВД девицу по фа-милии

Кюрс, которая подозревается в убийстве родной тети. Труп тети по приказу Какучая тайно предают земле, а Варлам целый месяц наслаждается с арестанткой у себя в кабинете. Но вести о «тюремном романе» просачивают-ся и сквозь толстые стены НКВД. И Какучая ничего не остается, как изба-виться от любовницы. Он быстро сфабриковал ей политическую статью, и Кюрс расстреляли в подвале владикавказской каталажки.

Уже после двадцатого съезда партии, на тбилисском судебном процессе Вар-лам Какучая будет осужден на десять лет лагерей.

Калинин дослужится до чина генерала и должности начальника следст-венного отдела НКВД Грузии, уйдет в отставку, пожелает уехать на родину, в Россию, но отдаст дьяволу душу на платформе Тбилисского железнодорож-ного вокзала.

Гагуа будет уличен в 1948 году в мошенничестве и покончит жизнь самоу-бийством прямо на партсобрании.

Но пока верзила Калинин стоит в кабинете наркома и смотрит на меня с ус-мешкой. А Гагуа, — высокий брюнет с орлиным взглядом, — держит в руке то-лстую веревку, опуская ее в ведро с водой.

Допрос вел один Какучая, не вставая с кресла и ничего не записывая.

«Предварительное расследование», если конечно то, что делалось в этом вер-тепе, можно было так назвать, шло вокруг моей «контрреволюционной дея-тельности». Мне клеили обвинение со следующей формулировкой:

> «Борис Тидо, арестованный в 1939 году за антисоветские разговоры, показал, что студенты Абхазской группы Новочеркасского Индустриального института:
>
> 1. Джих-оглы М.А.
> 2. Миканба З.М.
> 3. Амичба Е.Ш.
> 4. Гицба Т.Х.
> 5. Меладзе Н.Т.
> 6. Чаланзе Л.К.
> 7. Торосян Б.А.
>
> входили в контрреволюционную организацию троцкистского направления, корни которой тянулись из ЦИКа* Абхазской АССР…».

Сам Какучая как старый, опытный работник органов не мог верить в этот вздор, но он выполнял задание… Потрясая воздух толстой папкой, нарком кри-чал: «Вот признания твоих

сообщников!».

Я решил не сдаваться. И все отрицал. Тогда Варлам Какучая приказал своим подчиненным бить меня. Я был молод и тощ, Калинину ничего не стоило ск-рутить меня в бараний рог…

Я два раза терял сознание. Кажется, меня приводили в чувство традиционным для камеры пыток методом — холодной водой. Какучая настаивал, чтобы я соз-нался и в распространении слухов о том, что Нестора отравил Берия. Требовал указать, где находится архив. «Тебе известно, куда эта тварь запрятала бумаги Лакоба!?». Под «тварью» он подразумевал мою несчастную сестру.

«Может быть, ты откажешься, что несколько лет жил в Турции», — ухмыляясь, спросил нарком.

«Жил. Но ведь мне тогда едва минуло десять лет!»…

Наступил рассвет, и они решили, что на первый раз с меня хватит. «Уведите его, — сказал Какучая, — но завтра этого мерзавца будете бить шомполами».

Я еле стоял на ногах. Но куда хуже было думать о завтрашнем дне. Я плакал как ребенок, ибо боялся шомполов, и опасался, что не выдержу избиений и ого-ворю своих товарищей. Я хотел смерти: спокойной, без истязаний и пыток…

Но пытки стали такой же потребностью чекистов, как хороший обед, вино и женщины. Бывший директор сухумской русской средней школы № 10 К.Дзидза-риа, рассказал мне в тбилисской пересыльной тюрьме, что его длительное время держали в «каменном гробу», площадью в 2 кв. м и высотой в 1,5 ме-тра. Этот «саркофаг» соорудили из рваного камня, здесь не было ни стока, ни отдушин. С потолка все время капала на голову зловонная жидкость, в туалет не водили, но при этом кормили по арестантским меркам довольно прилично. Легко было представить себе санитарное состояние в этом «камен-ном гробу».

В чем его требовали признаться, Дзидзария не рассказал. Не сообщил он и о том, «дожали» его в НКВД или нет. Но разве я посмел бы спросить об этом у человека, которого бериевские изверги довели до отчаяния.

А бывший главный бухгалтер совнаркома Абхазии Джамал Мехтербашев по-ведал мне о судьбе абхазского наркома просвещения З.Зантариа, с которым тот некоторое время содержался в одной камере. Как-то, Зантариа отвели на допрос. Он отказался дать требуемые показания, и в отместку за это нарком ВД Аб-хазии Чичико Пачулия размахнулся и со всей силой ударил наркома просве-щения по мягкому месту. Зантариа, скорчившись от боли, упал на колени. И со стоном сообщил: «А ведь у меня геморрой!». Наивный экс-нарком ду-мал таким образом вызвать сочувствие у сотрудников НКВД. Но его жало-бу

Пачулия и работники следственного отдела восприняли как хороший анекдот. И едва не упали со смеху. Затем нарком ВД что-то шепнул на ухо одному из своих подчиненных, тот покинул помещение, но через десять-пя-тнадцать минут вернулся. Пока он отсутствовал, Пачулия успокаивал Зан-тариа. Мол, не беспокойся и не двигайся, сейчас мы облегчим твои стра-дания. Сотрудник НКВД вернулся не с пустыми руками. Он принес поллит-ровую бутылку. Но как только чекист подошел к Зантариа, на бедного экс-наркома, как по команде, напало несколько других сотрудников ВД. Они сх-ватили его, раздели и распластали на полу, а Пачулия с размаху воткнул ему в зад горлышко бутылки, полной кипятку…

Но о столь богатом воображении чекистов я не мог и догадываться, когда ле-жал на нарах и ждал очередного допроса. Однако на следующий день Какучая меня не вызывал. Зато велел перевести в другую камеру.

Наверное, лучше было бы, если бы меня еще раз избили мокрой веревкой. Ибо

мне пришлось сорок один день провести в компании с безумцем. Это был брат того абрека, которого приютил Агрба. Молодой крестьянин, почти мой ро-весник.

Его арестовали в родном селе, куда чекисты приехали по доносу поздней ночью, соблюдая все принципы конспирации. Они взяли в кольцо дом, где жили братья Ахиба* со своими женами и детьми, и по команде следователя во-рвались туда с оружием в руках. Старшего брата, «абрека», пристрелили на месте, завернули тело в большой кусок грязного брезента, а живого брата при-вязали веревкой к трупу. И этот страшный и нелепый груз был доставлен в автомашине прямо в НКВД г. Сухуми. Естественно, бедняга обезумел после такой поездки. Каждую ночь он выл как раненый зверь…

Затем меня снова перевели. На этот раз в одиночную камеру. Через какое-то время я услышал стук, — не произвольный стук, когда от нечего делать бьют кружкой об стену, а призыв «Внимание!» по тюремному алфавиту перестукива-ния, который я к тому времени неплохо выучил.** О, боже! Это был Рауф, мой племянник, сын Сарие и Нестора. Мы не виделись два года…

Кто-то из сокамерников Рауфа узнал меня в тюремном коридоре и сообщил, что я сижу в соседней «одиночке».

Его недавно привезли из Тбилиси. Именно он, Рауф, передал мне тогда по алфавитному перестукиванию все, что успел о той страшной очной ставке, которую предпринял Берия, чтобы добиться от Сарие признания. Бедный мой племянник предупредил меня, что если я случайно окажусь в одной камере с

Константином Ина-Ипа,*** то должен «держать язык на замке». Ибо Константин Инал-Ипа — провокатор.

Инал-Ипа был одним из главных обвиняемых в процессе 1937 года над Абхазскими партийными и советскими руководителями. По приговору он под-лежал расстрелу, но его решили использовать как провокатора и обличителя, и сохранили на время жизнь.

В 1940 году его видели в Драндской тюрьме, а впоследствии и в других изоляторах НКВД, куда он направлялся для сбора информации. Этот Иналипа сыграл решающую роль в трагической судьбе Рауфа, Сарие и многих близких к нам людей, равно как и еще один провокатор, Кобахия, который неожиданно будет освобожден из мест лишения свободы, обласкан в Гудаутах, устроен на работу. Однако, вскоре, по прямому заданию Берия, НКВД инсценирует очередной арест Кобахия. По заранее собранным спискам, в составлении коих активное участие принимал Кобахия, начались аресты. Было схвачено 42 человека, — все, представители творческой и технической интеллигенции. Их расстреляют, но смертной казни не избежит и провокатор Кобахия, который к тому времени будет не нужен НКВД.

Не меньшую роль в массовых репрессиях в Абхазии исполнит и тогдашний председатель СНК автономной республики Делба. Тот самый Делба, который дойдет до последней степени низкопоклонства и назовет сына — Лавбером **** (Лаврентий Берия).

Перед моим арестом в 1939 году наш сарай посетила незнакомая женщина средних лет. В тот момент, когда она вошла к нам, меня не было дома, и, вернувшись, я сначала подумал, что пришли за мной. Незнакомка оказалась че-ловеком опытным и наблюдательным, она успокоила меня, ибо поняла, что я волнуюсь. Она мол, явилась с самыми лучшими намерениями. Под большим секретом гостья рассказала, что несколько дней назад ее освободили из внут-ренней тюрьмы НКВД Грузии, где она долгое время содержалась вместе с Сарие, что ей с большим трудом удалось, притупив бдительность тюрем-ной стражи, пронести на волю кое-какое рукоделие и записку Сарие Ахмедовны. Она клялась, что приехала из Тбилиси специально для того, чтобы выпо-лнить поручение Сарие.

В доказательство всего сказанного она передала нам несколько платков, на которых были вышиты слова: «сыну Рауфу», «Дорогой маме», «брату Мусто». Я начал читать записку, и сразу же узнал почерк сестры. Помню, что она пи-сала: «Берегите маму и Рауфа!». Мама и я рыдали. Незнакомка уверяла

нас в том, что Сарие неизвестно об аресте Рауфа, что она чувствует себя превосход-но и очень скоро ее должны освободить. Мы радовались как дети, потому что нашей наивности не было предела.

И только перестукиваясь с Рауфом, я понял, что эта женщина была провока-торшей, ведь Сарие прекрасно знала, где находится ее сын, ибо в 1938 году у нее на глазах его зверски избили следователи НКВД. Что касается записки и почерка, в котором я узнал руку сестры… Она могла написать нам с единствен-ной целью успокоить, вселить надежду. Имело ли смысл говорить правду, вно-сить в наши смятенные души куда больше тревоги. И они, — в первую очередь палачи, а затем уже и провокаторы, — воспользовались этими чувствами. Чувст-вами привязанности и любви к родным.

После освобождения, мне удастся с максимальной точностью проследить судьбу старшей сестры. Она умерла 16 мая 1939 года в Тбилисской тюрем-ной больнице. От побоев и пыток. За два месяца до моего ареста, за три дня до приезда в Батуми той таинственной незнакомки…

Конкуренты

Сталин хорошо помнил о заслугах Нестора в борьбе за советскую власть в Закавказье. В автобиографии Лакоба сам перечисляет свои революционные подвиги: «В 1918 году я руководил разгоном меньшевистско-дворянской власти… в Гаграх и Гудаутах. В том же году я руководил организацией Афонского фронта против меньшевистской власти в Сухуме… 1919–1920 г.г. я провел в Батуме. 1) Состоя в назначенной Кавбюро тройке по руководству большевистской организацией г. Батума, я организовал убийство генерала Ляхова, взрыв Кобулетского моста, взрыв парохода «Возрождение», груженного боевыми припасами и оружием, предназначенными в помощь ген. Врангелю…».

Сосо тоже вел диверсионно-пропагандистскую работу в Батуми, правда, гораздо раньше Нестора, — в 1901–1902 г.г. Позднее он совершал налеты на пароходы, добывая деньги для революционного подполья. К тому же вождь видел в Несторе замечательного сотрапезника, что не могло не нравиться этому большому любителю застолий. Нестор был и прекрасным наездником, и отличным охотником, и неплохим хозяйственником.

Дневник Лакоба свидетельствует о том, какое внимание он уделял благоустройству дач вождя. Это же подтверждают черновики проектов и смет. «По Мюссере»,2) — пишет Лакоба под грифом «Совершенно секретно»: «от дома до городков по холму в 2 ряда посадить эвкалипты; в конце холма сделать беседку…». Он выписывает лучшие сорта «изабеллы», дабы беседки и веранды утопали в зелени и повсюду свисали аппетитные гроздья винограда. Многое на дачах он делал по указаниям и просьбам вождя. Георгий Стуруа 3) сообщал Нестору: «…Сегодня я был у Сталина, и он перед моим уходом просил… передать тебе привет, а также… чтобы посадили 50 штук мандариновых деревьев в саду при даче… причем в просьбе своей он мне подчеркнул особенно, чтобы все это сделали без шума. Это дело, очевидно, надо поручить кому-нибудь из знатоков… чтобы удовлетворить просьбу тов. Сталина…». Лакоба с кавказской широтой посадил сто корней мандаринов и столько же апельсинов…

Существует версия, что Сталин был весьма благодарен Лакоба за то, что Нестор в середине двадцатых сумел отвлечь от кремлевских дел его прямого конкурента Льва Троцкого. Незадолго до смерти Ленина Троцкого отправили в Сухуми, на отдых, но эта поездка куда больше напоминала ссылку.

Разумеется, Лакоба не знал об истинных намерениях Сталина, а если бы и знал…

«По состоянию болезни т. Троцкого врачи посылают в Сухум… т. Троцкий не будет… в общем выезжать из дачи — и потому главная задача не допустить туда посторонних, неизвестных», — писал 18 января 1924 года Нестору в Абхазию Феликс Эдмундович Дзержинский. 4) И делал это явно под диктовку Сталина.

Лев Давидович едет в Сухуми, и на голову Нестора сыплется ворох телеграмм и писем с грифом «Совершенно секретно». Тем же, 18-м января, датировано письмо Серго Орджоникидзе: «К тебе на лечение едет тов. Троцкий… Надо его так обставить, чтобы абсолютно была исключена какая-нибудь пакость».

Если бы Серго Орджоникидзе был более грамотным человеком, он написал бы «всё» вместо «его». Но в данном контексте «его так обставить» читается, как закрыть, блокировать.

Даже начальник охраны Ленина Абрам Беленький — этот старый чекист, — присоединяется к общему хору советчиков: «… Считаю, что лучшее место для помещения его [т. е. Троцкого, прим М.Д.] будет дача Смицково… Врачи предписали т. Троцкому полный покой, и несмотря на то, что с т. Троцким поедут наши люди для его охраны, тем не менее очень прошу Вас дорогой товарищ Лакоба Вашим метким оком и заботливостью взять тов. Троцкого под Вашей опекой тогда мы здесь будем совершенно спокойны…».

Этот «грамотей» был одно время заведующим типографией РСДРП (б)!

Лакоба перевыполнил задание московских боссов. Несмотря на то, что Троцкого окружала многочисленная охрана, невзирая на прибывшего из Тифлиса по личной просьбе Лакоба сотрудника Чрезвычайной комиссии, 5) Нестор приставил к Троцкому в качестве телохранителя и своего сводного брата Михаила.

Итак Нестор был на высоте. И это бесило Берия. Лаврентий как никто другой не только мечтал, но способен был стать лицом, особо близким к вождю. Странно, но вполне возможно, что именно Нестор сыграл решающую роль в сближении Сталина и Берия.

Осенью 1931 года Сталин как всегда отдыхает в Абхазии. Берия тщетно пытается хотя бы попасть к нему на прием. И он посылает Нестору пространную записку на бланке Полномочного представителя ОГПУ СССР в ЗСФСР: «Дорогой Нестор! Шлю тебе привет и наилучшие пожелания. Спасибо за письмо. Очень хотелось бы увидеться с т. Коба перед его отъездом. При случае было бы хорошо, если бы ты ему напомнил об этом…».

Сталин принимает Лаврентия. А летом 1932 года Лакоба, в неоднократных беседах с вождем, горячо поддерживает кандидатуру Берия на пост секретаря Заккрайкома.

Через год Лаврентий не будет отходить от Сталина ни на шаг. Более того, он станет другом семьи. До нас дошло множество фотографий тех дней: на одной Лаврентий сидит рядом со Сталиным, на другой едва ли не обнимает вождя, на третьей играет с маленькой Светланой. Проходит какое-то время и Берия посылает Нестору фотографию: Светлана у него на коленях. На обороте лукавый партийный босс написал: «Нестору от Лаврентия Берия». И это посвящение прозвучало как победный крик…

А Нина Гегечкори обхаживала сына вождя, Василия…

В 1929 году Нестор Лакоба командирует писателя и этнографа Ковача 6) в Батуми для сбора материала о подпольной работе Сталина в 1901–1902 г.г. Лакоба вспоминал, что Ковач «выполнил добросовестно свою работу».

«Материал и самый очерк были подготовлены в 1929 году…, - писал Нестор, — но с печатанием их произошло опоздание по независящим от меня обстоятельствам». Причин, по которым произошло это опоздание, Лакоба не называет. Можно только предполагать, что Нестор ждал резолюцию вождя, ведь время, о котором рассказывалось в очерках, было далеким и туманным, бог знает, что тогда на самом деле творилось в Батуми…

Книга очерков «Сталин и Хашим» вышла в свет через пять лет тиражом в двадцать тысяч экземпляров. Предисловие к ней подготовил Нестор Лакоба. Незадолго до ее опубликования вождь ознакомился с материалом и оставил отзыв на одном из машинописных листов: «Тов. Лакоба! Ваш [коллективный] очерк производит хорошее впечатление, а Хашим как и в жизни простоват, наивен, но честен и предан. Таких помощников было немало в революции, они сердцем чувствовали правду. И. Сталин. 12.08. 34 г.».

Этот редчайший документ подтверждает, что творилось в умах приближенных Сталина уже к середине тридцатых годов. Едва ли не каждый хотел внести лепту в его прославление, и тем самым завоевать сердце вождя. Но без одобрения Сталина реализовывать такие проекты никто не решался.

В октябре 34-го, вскоре после выхода книжки, Лакоба вновь читал вождю отрывки из очерков. Рядом с Нестором сидел вездесущий Лаврентий, и когда «глухой» закончил чтение словами: «С того времени тов. Сталин продолжал свою революционную деятельность в Закавказьи, работал в Тифлисе, Кутаисе, Баку, Батуме, Чиатурах, Озургетском уезде 7) и других местах…», Берия, явно позавидовавший Нестору, не удержался от

язвительного замечания: «Только Чхороцку 8) не хватает!». Нестор, поняв и то, что Лаврентий завидует, и причину его иронии, все-таки сделал вид, будто не придает этому значения…

На обратном пути, сидя в большой открытой машине Лаврентия, Лакоба мол-чал, а Берия, обдумывал, с чего начать извинительную речь. Наконец обидчик заявил: «Ладно, не злись, эта идиотская реплика вырвалась у меня случайно». Но через три секунды добавил: «Однако тебе не следовало перечислять тех грязных, маленьких местностей и городков. Лучше было заменить их более пре стижными названиями».

«По-твоему, я должен нагло врать Кобе?», — спросил Нестор, поправляя слуховой аппарат.

«А разве в твоей книжке мало лжи?», — не останавливался Лаврентий.

«Мы…старались основываться на фактах!».

В 1935 году Лаврентий Берия выпускает свой панегирик: «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье». Он не только не сдает позиций, а напротив, уверенно идет к намеченной цели: через два года после гибели Лакоба его переводят в Москву — наркомом, а затем министром внутренних дел. И он все лезет и лезет вверх, вплоть до ареста и казни в 1953 году…

«Глухой» не был столь простодушен, чтобы не запомнить уколы со стороны Лаврентия. Не говоря уже о подножках: это и выговор за невыполнение хозяйственного плана, и организация приближенным к Берия чекистом Рухадзе обстрела сталинского военного катера в Мюссерах, 9) и тайная поддержка заклятого врага Нестора — Алексея Агрба. Как известно, после смерти Лакоба остались записки, в которых содержался компромат на Берия. Но и при жизни Нестор старался отвечать на удары Лаврентия. В ноябре 1936 года он в последний раз побывал в Москве. Однажды вместе с Серго Орджоникидзе был принят вождем и очень долго наговаривал на Берия. Сталин слушал нехотя, даже недоверчиво. Тогда за дело взялся Серго. И рассказал Кобе несколько историй о похождениях Лаврентия, в которых закавказский партийный руководитель был представлен в самом неприглядном виде. Реакция вождя легла как бальзам на рану. Ведь Коба вскочил с кресла, швырнул на стол трубку и закричал: «Проклятый очкарик, как он смеет!». Друзья покинули кабинет Сталина в отличном расположении духа, им казалось, что Берия не избежать проблем.

Окрыленный успехом, Лакоба возвращается в Сухуми. Но через несколько дней его вызывают в Тбилиси. На партийный актив. Отказаться от поездки не было никакой возможности.

Прибыв в столицу Грузии и оставив вещи в гостинице «Ориант», Нестор отправился на встречу с Лаврентием. Беседа проходила далеко не в дружеской атмосфере, — спорили, кричали. Абхазец несколько раз обозвал секретаря Заккрайкома и первого секретаря ЦК КП (б) Грузии сволочью, встал, хлопнул дверью и вышел. А потом произошло то, что известно сегодня всем историкам мира…

Помню как группа абхазских партийных и советских руководителей, явилась в наш дом, чтобы сообщить Сарие о смерти мужа. Ни один из них не посмел вымолвить и слова. Мужчины стояли в прихожей, обнажив головы и потупив взоры. Сарие все поняла и без объяснений, и долго кричала: «Убил… Берия убил, Берия!».

Потом привезли гроб с телом покойного. В ту же ночь моя сестра тайком позвала двух лучших сухумских врачей-патологоанатомов, чтобы установить истинную причину смерти. Ведь в официальном сообщении говорилось, что Нестор скончался «от сердечного приступа». Однако Берия успел замести следы — по его приказу, во время первого вскрытия в Тбилиси, из трупа были удалены брюшная и грудная полости.

Берия на похороны приехать не решился. Ему, конечно, донесли, что Сарие считает его убийцей мужа. Но в Тбилиси он не преминул покрасоваться у гроба.

Примечания

1) Абхазский вариант написания названия города.

2) Дача Сталина в Мюссерах.

3) Стуруа Георгий (1884–1956), политический деятель, нарком юстиции Грузии и ЗСФСР,

1-ый зам. председателя СНК Грузии, позднее председатель президиума Верховного Совета Грузии.

4) Дзержинский Феликс (1877–1926), политический деятель, с 1917 г. председатель ВЧК, ГПУ и ОГПУ. Один из главных организаторов государственного террора.

5) Чрезвычайная комиссия Грузии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией, должностными преступлениями, шпионажем, саботажем и бандитизмом.

6) Тот самый Ковач, о котором пишет в очерке «Сухум» Осип Мандельштам: «…Я говорю о собирателе абхазских народных песен Коваче. Еврей по происхождению и совсем не горец, не кавказец, он обстругал себя в талию, очинил, как карандаш, под головореза…».

7) Административным центром уезда был захолустный город Озургети.

8) Поселок городского типа в Грузии.

9) Катер, на котором Сталин и Лакоба совершали морскую прогулку, был обстрелян с берега. Эту провокацию организовал Л. Берия, с целью обвинить Лакоба в покушении на вождя… В результате несколько пограничников поплатились жизнью.

Кавказское сафари Иосифа Сталина

Мои сибирские места обитания — совхозы управления министерства внутренних дел. И создавали эти совхозы, мы, — ссыльные. Выкорчевывали и вырубали деревья, жгли пни, строили жилье. Многие из нас добровольно останутся здесь. Навсегда…

Долгая суровая зима, холодная весна и минутное лето. Таков непривлекательный климат Сибири. Вокруг сел, будто океан, — бесконечная тайга с непроходимыми дремучими хвойными лесами, редкими полянами, огромными пространствами моховых болот, гарями, да малыми и большими реками. Непривычному человеку заблудиться в тайге — раз плюнуть. Можно пройти или про-ехать сотни километров и не встретить ни дороги, ни жилья. И кричи сколько угодно: только волки тебя услышат!

Каждый мужик в сибирской деревне был охотником. В любой избе можно было найти хоть немного вяленой лосятины. Весьма высоко ценились среди местных гурманов губы животного: отличная и сытная еда, особенно с картошкой. Из мяса лося варили супы.

Достаточно было отъехать на версту от совхоза, и начинался вечный лес; со своим, особенным таежным миром. Сохач, напоминающий парусный корабль, росомаха, похожая на привидение и глухарь, — вылитый кавказец в черкеске. Сотни раз я бывал в тайге, но никогда не охотился. И в это тяжелое, полуголодное время рука не поднималась застрелить красавца лося или беззащитную кабаргу. Единственным моим «охотничьим трофеем» можно счи-тать… мамонта. Останки ископаемого животного рабочие нашли во время ры-тья котлована под силос, в 1954 году. Тогда я работал начальником строительства Мендерлинского совхоза УМВД Красноярского края. Мы наткнулись на бивни мамонта, но так как яма для силоса была готова, рыть глубже не ста-ли. Я сообщил о находке директору совхоза Ануфриеву, а он, в свою очередь, должен был передать информацию «археологам из НКВД», но даже этого не сделал.

Спустя много лет, вспомнив о мамонте уже на родине, в Грузии, я написал в красноярскую газету и указал редакции координаты находки. Вскоре получил ответ от археолога Н. Дроздова с благодарностью и обещанием подготовить экспедицию в Мендерлинский совхоз… Больше я ничего об этом не знаю…

В Абхазии не было ископаемых слонов. Но горные леса и речные долины изобиловали живой дичью, — медведями, кабанами, косулями, фазанами… Для Сталина и других гостей,

время от времени устраивали вылазки на охоту, — не вечно же им было заниматься государственными делами. Били зверя и птицу в Мюссерах, у Холодной речки и в лесах бзыбьской долины; и даже поднимались в горы — за серной, бородатым козлом и кавказским уларом. Обычно готовились заблаговременно, но иногда получались экспромты. Среди гостей всегда находились настоящие, заядлые охотники, не в пример старшему сыну вождя, Якову, который, за отсутствием поблизости дичи и, пользуясь полной безнаказанностью, стрелял колхозных коров. Об этом знали и говорили многие, и очень странно, как информация о проделках сына не дошла до Кобы.

Осенью тридцать третьего ходили на кабанов. Нестор писал в своем дневнике: «…Дроби 5 мм. и мелкой, а также пороху — достаточно… нужно найти человек десять-пятнадцать для загона зверя» и далее: «Ворошилов убил… двух секачей… Миша заботился об оружии…». Разумеется, Лакоба собрал крестьян для преследования медведей и кабанов, но во время охоты один из этих парней был сильно помят косолапым и на всю жизнь остался кале-кой. Но что такое травма одного крестьянина, когда речь шла о развлечениях Сталина и членов Политбюро!

Из местных, кроме Михаила, подготовку к охоте поручали Константину Инал-Ипа. Это был старый, искушенный охотник, он знал на зубок едва ли не каждое богатое дичью место, — от Красной поляны до Абхазской Сванетии. «Дорогой Нестор! Шлю тебе сердечный привет с далеких гор, — писал Константин за много лет до этих событий, — …я все время на охоте…за кабанами и медведями…».

Заодно он преследовал в горах бандитов: «…Сичинава и Чхопелия передали через крестьян, которых они ограбили,…что они согласны покинуть Абхазию, если ты им дашь на дорогу 3000 рублей золотом…». Нестор не только не дал ни копейки, а потребовал в кратчайшие сроки уничтожить преступников. «Максимум через две-три недели головы их будут доставлены», — писали ему в ответ. Здесь не пользовались образным языком, когда говорили о головах преступников. В подтверждение этому в Сухуми было доставлено несколько медвежьих шкур, вдоволь кабанины и окровавленный мешок…с двумя человеческими головами.

В тридцать третьем году у Холодной речки устроили «кавказское сафари». Сталин, Ворошилов, Буденный и Лакоба стреляли фазанов, тетеревов и перепелов, не выходя из открытого «Роллс-Ройса». Лаврентия Берия тоже звали на охоту, но он остался на даче. Бывший чекист, а ныне первый секретарь ЦК КПБ (б) Грузии, предпочитал проводить время в компании женщин и

маленькой Светланы.

«…За три дня добыли больше трехсот птиц», — отмечал Лакоба в дневнике. Если по дороге не встречалась дичь, выходили из машины и углублялись в доли-ну. Рядом со Сталиным всегда находилось несколько охранников. Вождь стрелял очень хорошо. Но лучшими в этом деле были Клим Ворошилов, Буденный и Нестор. Однако всякий раз хором кричали, что попал Сталин. Чаще всего дичь привозили на дачу, так что Берия тоже получал кусок жаркого. Дальние вылазки предусматривали ночевку в долине или в горах. Разбивали лагерь, раскрывали шатры и палатки, жгли костры, раскупоривали бутылки со старым абхазским или грузинским вином, жарили кабанину, мясо косули или тушки фазанов. Пили за Сталина, за партию и еще раз за Сталина.

Холодная речка кишмя кишела рыбой. Лакоба обожал форель, чем не преминул воспользоваться в декабре тридцать шестого Лаврентий Берия, зазвав «глухого» на последний в жизни ужин. «Поймали две полные корзины «усачей» и «форели», — писал скрупулезный Нестор…

Рыбу ловили не только сетью, но и на удочку, а иной раз руками, под камня-ми. Даже Сталин помогал рыболовам, собирая добычу и укладывая в корзины.

«Великий пролетарский вождь» не гнушался черной работы…

Когда-то в Батуми

Когда Нестор познакомился с Сарие, она была еще девчонкой. Их первая вст-реча произошла в нашем доме, в 1919 году. Нестор организовывал диверсии, а мой старший брат Хакки, увлеченный революционными идеями, помогал ему скрываться от англичан. Кажется Брианскaзал: «Кто не был в молодости социалистом, у того не было сердца…».

Батуми в то время оккупировали английские войска. Но благодаря этим «оккупантам», наша огромная семья жила довольно неплохо: мы владели несколькими хлебопекарнями, и по контракту обеспечивали британцев хлебобулочными изделиями.

Да, старшие члены семьи находились в довольно щекотливом положении: они зависели от англичан, улыбались их интенданту, когда тот заезжал за очередной партией хлеба; и они же прятали Нестора — большевика и террориста, ярого «противника английской оккупационной политики». Однажды британская военная полиция выследила Нестора и окружила наш дом. Несколько всадников перегородили въезд во двор со стороны Асатиановской улицы, в то время как в главные ворота со стороны улицы Шереметьевской нетерпеливо стучались офицер и четверо рядовых полицейских. Очень может быть, что Нестора не выследили, а полиция получила о нем информацию от одного из многочисленных осведомителей. И совершенно не исключено, что провокатор был партийным товарищем Нестора. Но главное, если бы Лакоба обнаружили в нашем доме, мои дяди — Осман, Али и брат Хакки, непременно попали бы за решет-ку. Учитывая же военное положение, их могла ожидать смертная казнь. Но то, что не сделали англичане, спустя двадцать лет претворят в жизнь наши «славные» соотечественники.

У Сарие была чадра. Она ее никогда не носила, но у каждой аджарки в те годы имелась чадра. И если Ленина загримировывали под рабочего, то почему Нестор не мог переодеться под мусульманку. Это был единственный шанс. Только так можно было спасти свою жизнь и жизни приютивших тебя людей.

Лакоба закутали в покрывало; нашлись для него и женские туфли, благо но-ги у будущего руководителя Абхазии были миниатюрными.

Конечно, эта история в стиле «комедии переодеваний», может вызвать у читателя скептическую улыбку. Но раз Нестор сумел организовать в оккупированном крае взрыв парохода

«Возрождение», вряд ли бы он испугался пройти мимо англичан в чадре. К тому же и Нестор, и Хакки прекрасно знали о том, что британцы, учитывая национальные и религиозные чувства местного населения, не станут снимать покрывала с замужней женщины. А Лакоба «под ручку» до фаэтона, словно даму сердца или жену, провел «товарищ Хакки». И воспитанному английскому офицеру ничего не оставалось, как открыть им калитку и уступить дорогу.

Большевики одержали победу во многом благодаря диалектике, которая была только чудовищным лицемерием. Они пользовались тем, что «классовый враг» вынужден учитывать национальные чувства людей, большевики же, в свою очередь, всегда попирали национальные и религиозные чувства населения. Они грабили пароходы и поезда, называя грабеж красивым словом «экспроприация». Будучи отъявленными террористами, обвиняли в терроре эсеров. Убивали власть имущих, но вскоре сами стали власть имущими…

Лакоба нашел приют в семье Джиоглы еще и потому, что мачеха моего отца, Захиде Джикирба, тоже родилась в Гудаутах * и доводилась «глухому» дальней родственницей. Эта женщина была заинтересована в браке Нестора и Сарие. Говорили, что именно она сыграла роль свахи. Вспоминали, будто Захиде-ханум, предварительно договорившись с родственником, вывела несовершеннолетнюю Сарие из дома и отвезла в морской порт, — к пароходу, отплывающему в Сухуми. А Лакоба ждал невесту на корабле. Мне было тогда семь лет, поэтому я ссылаюсь на рассказы представителей старшего поколения. Тем не менее, и свидетели событий часто интерпретируют их в выгодном для себя свете.

Я же убежден, что Сарие сама выбрала этот путь, — без всякой посторонней помощи. Ибо полюбила будущего мужа…

Между старшими братьями Джихоглы и Нестором Лакоба пробежала черная кошка. Этот христианин воспользовался нашим гостеприимством, вошел в доверие и похитил сестру. Если бы Нестор жил в Аджарии, его бы нашли и про-учили. Разговоры в этом духе не прекращались целый год, но дальше болтовни дело не шло, ведь «хитрый и наглый Лакоба» жил за пределами досягаемости, в своей Абхазии. Сарие переживала не меньше братьев, хотя оскорбленным самолюбием здесь и не пахло. Она скучала, она мечтала обнять маму, младшую сестру Назие и братьев. И ей столько всего хотелось рассказать о своем муже, о новом доме и об этих стопроцентных горцах — абхазцах. В Батуми тоже жили абхазцы, но то были махаджиры, их быт во многом отличался от под-линного быта детей гор.

Нужно было найти повод для перемирия, и этот повод нашелся.

По настоянию Сарие Нестор просит друзей и товарищей по партии С. Орджони-кидзе, М. Орахелашвили и Л. Берия помочь заключить мир между его семь-ей и родными жены. Шел 1921 год, советская власть уже была провозглашена во всех республиках Грузии. Серго Орджоникидзе и Мамия Орахелашвили занимали руководящие посты в центральном комитете партии. Они, конечно, не могли заставить братьев Джих-оглы вновь полюбить Нестора, однако с мнением этих людей в нынешних условиях невозможно было не считаться. Между прочим, Сарие, хоть и вышла замуж за христианина, но отнюдь не за простого смертного. Ведь Нестор с первых же дней новой власти в Абхазии был заместителем председателя ревкома и народным комиссаром по военным и морским делам, а также начальником Сухумского гарнизона. А теперь и председателем совета народных комиссаров. Против такого послужного списка всегда трудно что-то возразить. А что, если бы Сарие сбежала с местным, аджарцем, а тот бы оказался посредственным человеком. Друзья Нестора Лакоба при-ехали в Батуми с весомыми аргументами. Возможно, у них были и другие, более важные дела, но заодно партийные боссы решили исполнить и просьбу товарища. Так или иначе, друзья сумели уговорить братьев и дядьев Сарие, и даже назначили день свадьбы, которую вскоре сыграли здесь, в Батуми, в нашем старом добром доме…

Конец золотой эпохи

Нестор два раза выезжал за границу. В 1920–1921 г.г. он три месяца находился в Турции: «Ризе, Трапезунде и Константинополе». В Турецкую республику Лакоба был командирован Кавказским бюро РКП (б) для «обследования состояния коммунистических организаций…».

Через два года он поедет на два месяца в Германию, — на лечение. Нестору доверяли в Кремле, и помимо лечения глухоты, он занимался выполнением важных партийных поручений. В Германии Лакоба получит письмо от Серго Орджоникидзе: «Дорогой Нестор! Я все таки уехал. Прошу тебя послать через т. Неймана 16 млн. 500 тыс. марок по адресу (дается Берлинский адрес, прим. М.Д.). Тов. Нейману я уже говорил об этом. Жму руку твой Серго. P.S. Не скучай, через два дня буду обратно…».

Речь шла о партийных средствах, отпускаемых на поддержку Коммунистической партии Германии…

«29.11.26 г. Дорогой Нестор! Шлю тебе, Сарие и твоему разбойнику братский привет. Как живешь, как твои дела?…Едет к тебе Молотов, он здорово ус-тал…Я пока мало занимаюсь «архиерейскими» делами, больше думаю нас-чет нашего советского аппарата. Пить и стрелять можешь сколько хочешь, ЦКК теперь в наших руках… Крепко, крепко целую тебя! Привет всем ребятам. Привет от Зины Сарие, тебе, Рауфчику. Жму руку твой Серго…».

Серго Орджоникидзе пошел на повышение, он уже председатель Центрального комитета ВКП (б) и одновременно заместитель председателя СНК СССР. Вот почему «пить и стрелять можешь сколько хочешь…». И тон его писем к Нестору не меняется (изменилась разве что орфография — в лучшую сторону). Те же многочисленные приветы — членам семьи и «ребятам».

Кому лучше, нежели Серго знать, какой Нестор заядлый охотник, как он ценит хорошее застолье. Сколько раз он и Лакоба оказывались вместе в одной компании, когда-то случайно, потом всегда предварительно договорившись. Сколько раз стреляли вместе медведей, кабанов, серн, уток и вальдшнепов. Поэтому «пить и стрелять можешь сколько хочешь…», — вовсе не обязательное сня-тие всех ограничений в силу того, что в любом случае защитят, оправдают. Не один Серго хотел видеть Нестора таким, каким он был всегда, а может быть и более раскрепощенным, легким на подъем, веселым. С кем-то можно было пойти по грибы, а Нестор был незаменим во время

изнурительной охоты в горах, рыбалки и настоящего абхазского застолья. Но мало кто из тогдашних руководителей не мечтал о «снятии всех ограничений».

Нестор остался таким же, как и раньше. И он оценил прекрасный намек сиятельного друга. Серго поймет это из ответного письма председателя СНК Абхазии: «Прежде, чем взяться за настоящее письмо, я размышлял о том — держаться мне «Вы» или же «ты». Пришел к следующему выводу: если принять во внимание существующие отношения между нами, а также и мою «само-уверенность», мне следует держаться «ты»… О приезде т. Молотова мне сообщили в Тифлисе шифровкой, и сейчас же распорядился об его устройстве. Но ему не повезло…».

Что же произошло тогда в Абхазии?

«В Доме отдыха твоего имени (в Сухуми, прим. М.Д.) со светом в то время, по причине недостаточности воды на электростанции, дело обстояло неваж-но», — объяснил Лакоба невезение Молотова.

Кто-то из отдыхающих («черт его дери!») уверил Молотова, что проблему с электричеством решат не ранее, чем через месяц. И он укатил в Гагры.

«Ездил в Гагры к Молотову. Просил его поехать в Сухум или Афон…», — продолжает Лакоба.

Молотов отказался…

«Мне ничего не оставалось, как согласиться с этим положением, затаив в душе «месть», хоть на 1–2 дня выманить т. Молотова на охоту или в Сухум и по пути «испортить» мост. Если происходящая абхазская партконференция или еще какое-другое непредвиденное обстоятельство не помешают, то я выполню свою «месть». Этим мне удастся несколько загладить нашу неуда-чу, а также доказать Молотову, что чрезмерная его скромность не всегда годи-тся».

Супруга этого «скромного» Молотова подарила Сарие автомобиль. В те годы и мужчина за рулем был большой редкостью, так что каждый выезд Сарие сопровождался толпой любопытных. У Нестора была своя машина — внушительный черный «Линкольн». Как и подобало председателю Совета народных комиссаров. Но сам он за руль не садился. Телохранитель Нестора одновремен-но выполнял обязанности водителя.

Два года после бракосочетания у Нестора и Сарие не было детей, и когда в 22-ом родился мальчик, Нестор был вне себя от радости. В то время я учился в лицее, в Турции. По традиции, многие батумские мусульманские семьи отправляли детей в эту страну на учебу, тем более что граница была прозрачной. Когда, в

25-ом я вернулся на родину, Сарие и Нестор взяли меня к себе. Так я и поселился в их большом, красивом доме с высокой мраморной лестницей.

Все братья Сарие получили хорошее образование. Не отставали от них и сестры: Назие училась в Сухумском субтропическом институте, а Сарие — в Московском институте легкой промышленности.

У Рауфа была гувернантка — настоящая француженка. А в младенчестве и кормилица-абхазка. Сарие помогала по хозяйству домработница Маруся, которая приехала в «хлебную» Абхазию из голодной Украины. Каждый член семьи располагал отдельной комнатой, были свои комнаты и у гувернантки с Марусей. По сути, семья Нестора стояла на той социальной ступени, которую до революции занимали дворяне и частные предприниматели.

Не было у Нестора только своей псарни. Но эту «нишу» занимал прекрасный английский сеттер по кличке Леко. Ему повезло, он не дожил до тридцать седьмого года…

…И кто только не приезжал к Нестору!

«Дорогой тов. Лакоба! Могилевский и Атарбегов тебе наверное уже сообщи-ли о том, что т. т. Дзержинский, Ягода* и др. едут в гости к тебе на два месяца… Крепко жму… руку, твой Серго».

«Дорогой тов. Лакоба! Тов. Рыков с семьей едет к тебе в гости…Крепко жму руку, твой Серго».

В 1933 году у нас, в Сухуми, целый месяц жил будущий президент ГДР Вильгельм Пик. Лично мне поручили сопровождать его во время прогулок по городу, и он называл меня «закадычным другом». Но теплый прием в семье Нестора был им вскоре забыт. Или же этому забвению способствовал Сталин. Вильгельм Пик не откликнется на смерть Нестора даже телеграммой соболезнования. Значительно позже, когда Вильгельм Пик стал президентом ГДР, я понял, что без воли Сталина невозможно было сделать политическую карьеру в так называемом соцлагере.

Но лауреат Нобелевской премии, автор романа «Тесные врата» и книги «Возв-ращение из СССР» Андре Жид* не забыл прислать телеграмму. Он тоже по-бывал в Сухуми, но в отличие от Вильгельма Пика, не был марионеткой Стали-на…

Все знали, что Нестор и сам жил неплохо, и другим давал жить. В Абхазии времен Лакоба едва ли вообще имели место репрессии против «классово чуж-дых элементов».

«…Ошибка тов. Лакоба состоит в том, что он…несмотря на свой старый бо-льшевистский опыт, сбивается иногда в своей работе на политику опоры на все слои абхазского

населения…», — писал Сталин в письме от 19 октября 1929 года по итогам работы в Абхазии комиссии Цетлина.

Тогда вождь поддержал Нестора, тогда ему был нужен Нестор: «Я считаю, что комиссия т. Цетлина… допустила ряд непозволительных ошибок, которые должны быть исправлены (слишком доверчивое отношение к некоторым, не заслуживающим никакого доверия, источникам обвинения т. Лакобы…) и «Ошибка Абхазского обкома состоит в том, что он… по сути дела, сочувствует установке на немедленное снятие т. Лакобы, …полагая, что последнего может заменить тов. Алания (бывший член Национального совета в момент, когда тов. Лакоба дрался в рядах большевиков против меньшевистской своры)…».

Но вспомнят ли «все слои абхазского населения» своего демократичного руководителя, когда он уйдет в небытие? В день похорон 31 декабря 1936 года улицы были заполнены народом, более пятнадцати тысяч человек пришли проститься с телом Лакоба. Но когда Нестора объявят «врагом народа» и начнутся репрессии против его соратников, членов семьи и родственников, вряд ли кто-нибудь выскажет протест и мало кто осмелиться поздороваться с еще не арестованными членами семьи председателя СНК.

Как-то раз я зашел в парикмахерскую, которая находилась возле Красного моста.** Приблизительно в середине февраля тридцать седьмого. Приметив знакомого мастера, я занял к нему очередь, и вышел на улицу покурить или купить газету. Но когда пришло мое время постригаться, парикмахер позвал не меня, а другого клиента. Я подумал, что он ошибся, и, опережая «конкурента», направился к креслу, но цирюльник, повернувшись ко мне спиной, очень громко и отчетливо заявил: «Членов семьи «врага народа» не обслужи-ваю!». Я стоял как оплеванный, к тому же взоры клиентов и парикмахеров были обращены на меня, и это угнетало не меньше оскорбительных слов цирюль-ника.

Другой случай произошел на пляже, в июне тридцать седьмого года. Я лежал, зарывшись в теплый розовый песок, скрыв лицо от палящих лучей под влажным платком. А мой приятель, турок Лютфи, плавал вдоль берега, явно в поисках симпатичных девушек. И вдруг я услышал свистки. И крики: «Молодой человек, молодой человек!». Сорвав с лица платок и приподнявшись на локтях, я посмотрел по сторонам и увидел двоих мужчин, идущих в мою сторону. Один из них, наверное, мой ровесник, был одет в летнюю милицейскую форму. В другом субъекте я сразу же узнал директора пляжа. Некоторое время он работал прорабом у моего брата, Хэмди, — на строительстве Сухумской ГЭС. Но был уволен за какое-то жульничество.

Подойдя ко мне, милиционер приказал: «Сейчас же одевайся и следуй за нами!».

«В чем дело?», — забеспокоился я. Мне и в голову не могло прийти, что они пристают по пустяшному вопросу.

«Здесь, рядом, загорают девушки. Они пожаловались, что ты бросал в них камни и обзывал матерными словами!».

«Нет, нет …я этого не делал!». И обращаясь к директору пляжа, спросил: «Разве Вы меня не узнаете. Ведь Вам известно, что я не способен на такие поступки!».

Директор пляжа решил воздействовать на окружающих. Он мечтал отомстить Хэмди и для этой цели я был как нельзя кстати. А заодно он мог продемонстрировать публике свою верноподданническую позицию: «Это ничего не значит, — кричал он, — вот весь Советский народ знал Нестора Лакоба как честного человека, а что получилось?!».

Но тут подошли девушки, которые пожаловались милиционеру на хулигана и сообщили, что это не я. По всему было видно, что молодой милиционер еще не успел надышаться отравленным воздухом НКВД. Он похлопал меня по плечу, как старого приятеля, и пошел искать истинных виновников происшествия. А директор пляжа, явно раздосадованный тем, что не смог меня задержать и хотя бы оштрафовать, резко повернулся, что-то пробурчал и отправился в свою конторку. Видимо он специально и давно следил за мной, иначе как бы он узнал меня под платком, да еще среди стольких отдыхающих.

За несколько месяцев до эпизода на пляже меня исключили из комсомола. Да плевать мне было на комсомол, честное слово, плевать. Только перед изгнанием они меня хорошенько помучили. Сначала я был вызван в горком этой говённой организации, где долговязый и прыщавый инструктор внушал мне, что Нестор Лакоба «враг народа». Что напрасно я хожу по разным инстанциям в поисках работы, и особенно к председателю СНК Алексею Агрба.* «Он никак не может простить Нестору свое изгнание из Абхазии», — понизив голос, объявил инструктор. Конечно, он хотел сказать, что Агрба ни в коем случае не поможет никому из нас, потому что мы — члены семьи «врага народа». Но вместо этого инструктор вдруг встал на мою сторону: «Вот что, Мус-то! На днях в доме учителя пройдет комсомольская конференция. Ты будешь ее участником. Пусть городской актив убедиться, что ты не имеешь никакого отношения к убеждениям Нестора Лакоба. В конце концов, если сын за отца не отвечает, то почему шурин должен расплачиваться за зятя». Он немного подумал, потом добавил: «Появление на конференции восстановит твой престиж в глазах общественности и тогда

гораздо легче будет устроиться на работу».

Я отправился на конференцию. В проходной протянул пригласительный билет, врученный мне долговязым инструктором горкома комсомола. Прошел захламленным коридором в неярко освещенный зал. Сел в задних рядах, хотя в прежние времена никогда этого не делал. Видимо, мы, будущие отщепенцы, уже чувствовали свое место — на задворках жизни… на нижних нарах. Пока избирали «рабочий» президиум, а затем и почетный президиум во главе с «Великим Сталиным и его верным соратником Берия», я шарил глазами по залу в поисках инструктора. Было много знакомых, кто-то, как мне показалось, кивнул головой в знак приветствия. Однако ни в одном из них я не узнал прыщавого комсомольского чиновника. Потом на трибуну поднялся докладчик и на-чал славить партию, комсомол, Сталина, политбюро, а в конце выступления клеймить позором «врагов народа». Разумеется, речь шла не только о бывшем председателе реввоенсовета Эшба, но и о моем зяте — Несторе Лакоба. Я съежился, как это делают дети, когда их ругают за всякие шалости. Мне хотелось провалиться сквозь землю, ведь я чувствовал на себе любопытные и осуждающие взгляды делегатов проклятой конференции. Да и в президиуме меня заприметили и стали звать: «Джих-оглы! Пересядьте, пожалуйста, поближе к трибуне! Вот сюда, на первый ряд. Пусть все участники конференции смогут вас увидеть». Это говорил сам председатель. И когда я, шатаясь, как пьяный, пошел к указанному месту, он прогремел, обращаясь к залу: «Здесь находится шурин Нестора Лакоба! Он с малых лет воспитывался в семье…бывшего председателя СНК, он должен прекрасно знать моральный облик этого троцкиста!». Председатель глотнул воды из граненого стакана и продолжил: «Как он попал сюда, мне не известно (председатель врал, он сам, в качестве главного чиновника горкома комсомола, подписывал все приглашения, а инструктор только вручал их), но если он хочет остаться в наших рядах, пусть поднимется на трибуну и чистосердечно расскажет все, что знает о своем коварном и подлом зяте».

Призыв председателя был моментально подхвачен залом. Казалось, меня здесь ненавидят не меньше, чем Лакоба или Троцкого. Со всех сторон послышались крики: «Пусть расскажет нам о своих грешках!», «Раскошеливайся, ублюдок «врага народа!», «Нечего с ним цацкаться!». Я еще не открывал рта — ни в пользу Нестора, ни против него, а эти люди уже видели меня врагом партии и страны. Я встал с места, сделал несколько шагов к трибуне. И зал затих. Я не поднялся на трибуну, а остановился напротив и не поворачиваясь к залу, еле слышно промолвил:

«Мне нечего рассказывать!».

«Как, как? Говори громче, ты что стесняешься, что ли?», — подбадривали меня из президиума.

«Мне нечего сообщить», — сказал я уже довольно громко.

«Тогда… в таком случае пусть покинет зал. Вон из зала. Во-о-о-о-он!».

Не знаю, кто это кричал, может быть, председатель или его заместитель, или рядовые участники гнусного собрания. Но имело ли это значение?! У меня забрали комсомольский билет, меня разжаловали в беспартийного; и пусть в душе я плевал на ленинский комсомол, изгнание из него грозило огромными, максимальными неприятностями…

Однажды, во внутренней тюрьме НКВД Сухуми, меня отвели к парикмахеру. Удрученный горем, я едва ли обращал внимание на лица людей, и поэтому не узнал в подстригающем меня человеке парикмахера Наума, который еще недавно обслуживал всю мужскую половину нашей семьи. Зато Наум узнал меня. Улучшив момент (и надзиратели иногда отворачиваются или отвлекаются), он положил мне в карман немного денег и две пачки папирос, и прошептал: «Мусто, ни в чем не признавайся!». Но таких случаев было крайне мало.

Кажется, Виктор Платонович Некрасов сказал, что самым большим преступлением советского режима является чудовищное разделение людей…

Возвращение

Шел 1954 год. И я вернулся. Мамы уже не было в живых, она умерла от удара в 52 году, — на руках у дочери, Назие. О смерти матери я догадался по намекам из письма сестры, которое получил в сибирской ссылке. Меня щадили. После стольких ударов судьбы. Но и сама судьба меня пощадила…

Мы с Назие жили в Батуми, где-то работали, кое-как существовали. Я мечтал о трех вещах: реабилитации, причем тотальной, ей богу только всеобщей; о том, чтобы подвиг Сарие увековечили в слове; и, наверное, в последнюю очередь об архиве. Но так как без реабилитации невозможно было даже думать о скромной газетной статье в память семьи Лакоба, пришлось начать с поисков архива.

Военный прокурор Батумского гарнизона гвардии подполковник юстиции Ульянов чудом выдал мне 28 февраля 1955 года письмо с таким содержанием: «Гр-н Джих-оглы Мустафа Ахмедович следует в Главную Военную Прокуратуру по вызову. Прошу оказать ему содействие в розыске документов, которые крайне необходимы Главному Военному Прокурору». Бумага была составлена таким образом, чтобы не вызвать никаких подозрений по месту обращения. «Оказать содействие в розыске документов» и все. Каких именно— не уточнялось. Но они, эти документы, были крайне необходимы «Главному Военному Прокурору», что в СССР всегда имело магическое действие.

В бывший дом Нестора Лакоба я пришел в сопровождении офицеров военной прокуратуры. С чувством грусти поднялся по знакомой мраморной лестнице на второй этаж… и с тем же ощущением через час спустился вниз. Ибо не обнаружил ни тайника, ни архива. «Неужели нашли чекисты?!», — думал я, плетясь под холодным мартовским дождем в сторону приморского бульвара. Я брел без цели, просто так, лишь бы куда-то идти. «Значит, все было напрасно, выходит, от них невозможно было ничего скрыть!».

Но в доме проводили реконструкцию, его переделали под общежитие для студентов педагогического училища. Возможно, архив «откопали» рабочие и сожгли, приняв за макулатуру, за никчемные бумаги. А может быть, они пере-дали документы в руки НКВД?!..

Мне удастся переехать в Сухуми и с помощью школьного друга Николая Кемулария, который занимал должность председателя Горсовета, получить ор-дер на часть бывшего

особняка Лакоба. Я разыщу рабочих, реконструировавших дом. Для проверки последнего шанса. И бригадир расскажет, что они… нашли под полом кухни какие-то свертки, сначала, конечно, подумали, что это золото, знаменитое золото Нестора Лакоба, но, обнаружив в пакетах только бумаги, отодвинули их на несколько метров в сторону, и накрыли досками.

Все было так, как передал мне в разговоре бригадир. Несколько часов спустя я стал обладателем архива, который мы с Сарие столь долго и упорно защищали от чекистов…

Я решил написать в Москву, в кремль, — старым-новым руководителям страны — Маленкову,* Молотову, Ворошилову, Хрущеву:** «Считаю своим долгом довести до Вашего сведения… В конце 1936 года в городе Тбилиси при весьма загадочных обстоятельствах скончался Лакоба, хотя никогда не жаловался на свое здоровье…». Естественно, я приобщил рассказ о том, как Сарие срочно отправилась в Москву, взяв с собой блокнот с компроматом на Берия. Что она была принята лишь секретарем ЦК ВКП (б) Андреевым,*** однако, и там ничего не добилась. Я не строил воздушных замков, но тайно надеялся на Молотова, на его память о гостеприимном Несторе.

Ответ пришел не из кремля, а из прокуратуры. Но на этот раз меня не вызывали на допрос к следователю, а сообщали о полной реабилитации Сарие, Рауфа и Лютфи. Вскоре и меня восстановили в правах, и посмертно реабилитировали всех моих братьев.

Но как это нелепо звучит: «реабилитировать посмертно». Будто мертвому и впрямь что-то нужно было от этого чудовищного государства. Словно государство обладало властью и над покойниками. Ах, нет, я ошибся. Оно обладало такой властью: не непосредственной, а через желание живых публично оплакать мертвых.

И мне пришлось подобрать эту кость, брошенную нашим «дорогим государством». И хранить ее как божий дар…

Пятнадцать лет меня тоже не было в живых. И теперь, когда я «немного» воскрес и почувствовал силы дать по физиономии вертухаю (пока что без свидетелей), я ощутил и вкус к жизни. Ибо там, за колючей проволокой, вместе с баландой и барачной вонью, вырабатывается другой вкус — к небытию, к смерти…

Наконец и наших мучителей призвали к ответу. Я был свидетелем на тбилисском процессе.

Бывших наркомов внутренних дел Абхазии Чичико Пачулия и Варлама Какучая приговорили к десяти годам исправительно-трудовых лагерей, но они отсидели и того меньший срок. Да, черт с ними! Ведь я никоим образом не мог повлиять ни на приговор,

ни на их дальнейшую судьбу. Все это уже заранее было решено в высших сферах власти. В моих силах было только рассказать правду о трагедии нашей семьи.

Я грезил воскресить всех. Опустевший дом Нестора не давал покоя ни днем, ни ночью. А что может человек? Лишь воссоздать прошлое по крупицам памяти, письмам и фотографиям. Лишь отразить это прошлое в камне, на холсте, на бумаге. Но эта задача вчерашнему зэку представлялась сверхсложной. Как я мечтал встретить настоящего мастера, если не сказать, — большого художника. Ведь существовали еще хорошие писатели. В тридцатые и сороковые годы едва ли не в каждой тюремной камере сидел писатель, едва ли в каждом лагерном бараке был свой ПЕН-клуб. Но за колючей проволокой не записывали адресов. Да и мало кому сохранили домашний адрес.

Я слышал, что где-то в Москве живет автор эпохального романа «Жизнь и судьба» Василий Гроссман.* Но как на него выйти? На самом деле я преувеличивал трудности. После двадцатого съезда многие писатели будут искать матери-алы для книг о сталинских репрессиях. А участь Сарие и ее юного сына Рау-фа на фоне борьбы мужчин за близость к императорскому трону, змеиный об-лик Лаврентия-отравителя и странная доверчивость многоопытного Нестора, плюс экзотика имен и традиций, — позволяли создать поистине высокохудожественное произведение.

Я поехал в Москву. Номер домашнего телефона Гроссмана узнал у земляка — писателя Фазиля Искандера.**Оказалось, что к Василию Семеновичу можно было позвонить запросто. Я отрекомендовался как шурин Нестора Лакоба, в двух словах изложил свое предложение и пригласил его к себе, в гостиницу «Москва». Гроссман пришел не один, а с мужчиной примерно моего возраста. «Семен Израилевич Липкин,***поэт и переводчик», — представил он незнакомца, хотя и сам был мне едва знаком.

Клянусь честью, я не предвидел такого ошеломляющего эффекта. После моего неумелого и крайне взволнованного рассказа, Василий Гроссман воскликнет: «Да, поистине великой женщиной была Ваша сестра!».

Гроссман все время реагировал на мое сбивчивое повествование — кивком головы, глазами, мимикой лица. А Семена Липкина словно и не было в гостиничном номере. Сидя в большом, глубоком кресле отошедшей эпохи, он уста-вился в окно, — точно впервые в жизни наблюдал панораму сумеречной Манеж-ной, будто залитый светом «Националь» гораздо больше говорил ему о семье самого миниатюрного и глухого в мире

революционера…

На самом деле Липкин не только внимательно слушал рассказ, но что-то себе конспектировал, — ни пером на бумаге, а особой записью поэта в отдел памяти мозга. И через год Липкин ошеломит меня не журнальной статьей, — хотя и очерк был бы великим достижением для экс-зэка, — а поэмой…кавказской былью «Нестор и Сария».

Однако в тот вечер никто не дал мне никаких гарантий. А разве мог я клянчить: «пожалуйста, напишите!». Да и стоило ли. Меня поблагодарили за ужин, за хорошее грузинское вино. За рассказ.

Но мне были необходимы гарантии. Здесь, в Москве, жил и работал турецкий поэт и драматург Назым Хикмет.**** Как бывший стамбульский лицеист, я мог бы найти с ним общий язык.

Ведь я ничего не знал о намерениях Липкина, а может быть, на первых порах, у него и не было никаких намерений.

Адрес Назыма Хикмета помог раздобыть все тот же Фазиль Искандер. Я на-писал поэту-иммигранту уже из Сухуми, — сначала бесконечно длинное посла-ние, потом, испугавшись, что он не станет читать эту дребедень, сократил письмо втрое.

«Уважаемый Назым Хикмет! Мне хочется рассказать вам …о моей прекрасной сестре Сарие Ахмедовне Лакоба, урожденной Джихоглы /жене известного Нестора Лакоба/…

В сентябре прошлого года, на тбилисском процессе, генеральный прокурор… Руденко, сказал: «Этой женщине следует воздвигнуть памятник!».

Я не смогу успокоиться до тех пор, пока трагедия Сарие Ахмедовны не станет темой вдохновения Большого Поэта.

Прошу сообщить мне, когда Вы сможете принять меня и я, приурочив к этому свой отпуск, приеду к Вам в Москву».

Почему-то я надеялся только на Нызыма Хикмета. Сдавалось мне, что он не сможет отказаться от столь соблазнительной темы. Несмотря на коммунисти-ческие взгляды Хикмета, я был ему братом по исламу. И соседом. Ожидая ответа, я все время держал в памяти и эти немаловажные факты.

Тем временем дел у меня было, хоть отбавляй. Я замыслил вернуть дому первоначальный вид, для чего, помимо ремонта, хотел разыскать кое какие вещи, конфискованные при аресте Сарие и Рауфа. Хотя долго отыскивать не пришлось, почти всю мебель перевез к себе наш старый знакомый, бывший нарком внутренних дел Абхазии Чичико Пачулия. По сути, это был уже второй или третий этап экспроприации. Шустрый Пачулия успел стащить у нас и спальный, и столовый гарнитуры, и прекрасный старинный буфет, и трюмо слоновой кости, подаренное Серго

Орджоникидзе, и несколько картин, и презент Яна Рудзутака*— английское охотничье ружье с инкрустацией и гравировкой. А Гагуа, тому самому Гагуа, который нещадно бил меня мокрой веревкой в кабинете наркома Какучая, достался рояль знаменитой фирмы «Беккер» да черный кожаный диван. И только собрание сочинений Ленина и Плеханова чекисты, за ненадобностью, передали в библиотеку НКВД.

Но я переоценил свои возможности: тягаться с семьями сотрудников НКВД-ГБ, даже если это были жены и дети бывших, оказалось не в моих силах. Единственной удачей стал бронзовый «Мальчик из Геркуланума»,** на которого, как ни странно, при разворовывании вещей никто не обратил внимания. Он стоял на постаменте в одной из комнат, точно ждал своих бывших хозяев. А кое-какую мелочь мне удалось вывезти в Батуми еще в тридцать седьмом. Вот и все, что имелось в наличии.

Пока я пытался переоборудовать квартиру, пришел ответ из Москвы, от Назыма Хикмета. Я временно поселился у невестки, адрес которой указал в письме турецкому поэту. И вот я прихожу с работы на перерыв, а Надиме (моя невестка), встречает меня в дверях и загадочно улыбается. А руки прячет за спи-ной. Я сразу понял, что у нее какое-то сообщение, и спросил: «Может быть, меня назначили министром внутренних дел или начальником КГБ?».

«Неблагодарный ты человек, — почти, что пропела Надиме, — мечтал получить письмо, а теперь болтаешь о какой-то работе!».

«Письмо…?».

Я выхватил у нее из рук конверт и побежал во двор, к свету. И крикнул невестке: «Глупая ты, я ведь пошутил насчет работы, кто меня, троцкиста-уклониста, назначит министром!?».

«Уважаемый тов. Джихоглы Мустафа Ахмедович! Извините меня, что так поздно отвечаю. Тяжело болел. До десятого октября — я буду в Москве. Но всё-таки перед Вашим приездом, хорошо было бы, если бы Вы предварительно позвони-ли…

Мне тоже… интересна героическая и печальная судьба и подвиг Вашей сестры.

С тов. Приветом Ваш Назым Хикмет».

Триста лет не говорил я ни с кем по-турецки. А когда-то меня хвалили за прекрасное стамбульское произношение. Но у Назыма Хихмета, на его подмосковной даче, мне представилась такая возможность. Нет, я не забыл турецкого языка, а как странно, не правда ли, что человек держит в памяти вещи, которые могут уже не понадобиться!

Хозяин принял меня так, словно мы были однокашниками,

будто когда-то по-клялись встретиться и говорить, говорить, говорить. Пришли гости — поэты, журналисты. Я уже не помню их имен, да и тогда вряд ли запомнил, ибо был поглощен рассказом о сестре, племяннике, братьях. Незаметно подкралась ночь, я собрался ехать в Москву, в гостиницу. Но Назым Хикмет уже распорядился постелить мне на диване, в соседней комнате. В столь поздний час, объяснил он, далеко не безопасно путешествовать в пригородных поездах. Он не знал, что мне доводилось «путешествовать» и в самые мрачные времена, в период так называемой «сучьей войны».* Однако я принял его приглашение. В память о нашей встрече Хикмет подарил мне книгу стихов, изданную в Болгарии, и пьесу «А был ли Иван Иванович?».

Но поэму о Несторе и Сарие написал не он, а Семен Израилевич Липкин…

Я работал ученым секретарем в совете министров Абхазии. В Советском союзе многие служили где-то и как-то. Но мне было не привыкать. Хотя, во время первого срока, меня, как инженера, специально перевели из лагеря под Горьким — на Урал, в Нижний Тагил, где строился металлургический комбинат. Я уцелел в самые тяжелые, голодные годы благодаря своей специальности. Стране нужно было много чугуна и железа, вольнонаемным требовалась зарплата и жилье, к тому же не каждый поехал бы в Сибирь, на Урал, на Колыму. А таких как я, заключенных, можно было заставить работать прикладом, за порцию баланды.

Наконец я устроился по специальности — старшим прорабом объединенной строительной группы при министерстве торговли Абхазии. Обзавелся семьей. В общем, понемногу возрождался.

Мне предлагали должность начальника участка, — не за красивые глаза. Ведь я уже не был изгоем, а единственным из уцелевших членов семьи Лакоба, братом Сарие. Нестора не просто реабилитировали: его имя теперь произносили с трепетом, и те, кто еще десять лет назад боялся со мной поздороваться, специально переходили улицу для приветствия. О Несторе вышло несколько книг, в ботаническом саду, в том месте, где стоял склеп с его гробом, воздвигли памятник. В честь Лакоба назвали одну из центральных сухумских улиц.

Да, мне предлагали повышение. Но для этого я должен был пойти на компромисс: вступить в компартию. Сегодня мои слова могут показаться смешными, если не сказать, лживыми, но я наотрез отказывался. Через несколько лет я и так стану начальником участка объединенной строительной группы, чего же еще нужно было хотеть? Из тюрем и лагерей

политзаключенный выносит единственный положительный опыт. Опыт, который рождает стойкое неприятие насилия, а значит и коммунизма. Только в этом случае, и ни в каком другом, можно сказать и себе, и другим: я сидел не напрасно. Чтобы стать коммунистом, надо принести кого-то в жертву, чтобы стать антикоммунистом, нужно самому сделаться жертвой. Печальная, но справедливая сентенция.

Советские коммунисты…разве не были они каннибалами? Как же мне иначе назвать существ, поедающих себе подобных? Царская семья или философ Флоренский,* тысячи, десятки тысяч уничтоженных старых интеллигентов — это, хотя бы, идейные враги большевиков. Но секретарь абхазского обкома партии В.Ладария был для них своим человеком. Из его смерти они сотворят миф о безусловной и бесконечной любви к партии и Сталину. Когда Ладария, по приговору тройки, поставили к стенке, он, дрожа от страха, воскликнул: «Да здравствует компартия, великий Сталин и его верный соратник Лаврентий Бер…». Конечно, Ладария пытался спасти жизнь, и только. Он надеялся, хотел верить, что исполнители приговора не смогут выстрелить в человека, произносящего эти священные слова. Но коммунисты сделали из него жертву, оправдывающую собственную смерть перед лицом непогрешимости партии…

Книга опубликована на сайте http://www.hrono.info/statii/2004/musto_vozvr.html >